

9 дней одной жизни

Пьеса о Леониде Викторовиче Варпаховском

Чем ночь темней, тем ярче звезды.

Аполлон Майков

Мы, немногие уцелевшие, пережили не только себя, но и других: ведь из нашей жизни исторгнуто столько лет, в течение которых молодые молча дошли до старости, а старики до самых границ человеческого возраста".

Тацит. Жизнь Агриколы

Действующие лица

Леонид Викторович Варпаховский – театральный режиссер;
Ида Самуиловна Зискина – певица, жена Варпаховского;
Анна Варпаховская – актриса, их дочь;
Всеволод Эмильевич Мейерхольд - театральный режиссер;
Зинаида Райх – актриса, жена Мейерхольда;
Юрий Домбровский – писатель;
Юрий Кольцов – артист;
Варлам Шаламов – заключенный Магаданского ГУЛАГа, писатель;
Аркадий Школьник – писатель, автор пьес в ГУЛАГе.
Следователь в Алма-Ате;
Гакаев - начальник управления Магаданского ГУЛАГа;
Гридасова - начальница магаданских лагерей.
Никишов – генерал, начальника Дальстроя;

1-й день.

Занавес закрыт. Сбоку просцениума стоит в прожекторном пятне Аня Варпаховская. Музыка из увертюры «Травиаты».

Аня: 29 марта 2008 года исполнится 100 лет со дня рождения моего отца - выдающегося советского режиссера Леонида Викторовича Варпаховского. Он родился в 1908. Арестован в 1935 г. 3 года ссылки в Казахстан. Повторный арест — 18 ноября 1937 г. - статья 58-10, антисоветская агитация, срок — 10 лет. Освобожден в 1947, вернулся в 1953, реабилитирован в 1957. Умер в 1976 году. Его судьба была и счастливой, и трагичной: от Колымских лагерей и Магаданского театра до постановок – «гвоздей сезона» в лучших театрах Советского Союза.

Увлекался музыкой, занимаясь в детстве в балетной школе, прошел курс теории музыки в Консерватории, работал тапером в немом кинематографе. В 1925 организовал «Первый камерный экспериментальный синтетический ансамбль» (ПЭКСА) – «еще не джаз, но эксперимент на пути к джазу», в котором был

дирижером, исполнителем и руководителем, занимался поисками в области цветомузыкального театра.

С 1928 по 1931 учился на искусствоведческом отделении литературного факультета Московского университета. После окончания университета работал театральным художником, вместе с Кукрыниксами оформил два спектакля в московских театрах. Писал рецензии на театральные постановки. Работал в Московском театре сатиры. Леонид Викторович мечтал стать театральным режиссером, и летом 1933 года упросил знаменитого скрипача Льва Оборина помочь ему встретиться с Мейерхольдом. После очень короткой беседы с Мастером он был зачислен на должность ученого секретаря театра. Как выяснилось позже, мэтр одобрил критическое отношение отца к камерному театру Таирова. Трехлетнее почти ежедневное общение с Мейерхольдом стало для него школой режиссерского мастерства. У знаменитого тогда революционера театра, взбалмошного гения Всеволода Мейерхольда, мастера сценической композиции, было чему поучиться. У Мейерхольда все было по самой высшей мерке – эпатажные дерзкие постановки, восхищавшие зрителей, жена – самая красивая в стране женщина – актриса Зинаида Райх, которая ушла к нему от Сергея Есенина, блестящий взлет и ужасный конец.

Занавес открывается на полсцены. Комната увешана театральными афишами спектаклей Мейерхольда. Стол, 2 кресла, клетка с большим попугаем.

Попугай гортанно кричит голосом Мейерхольда: «Где Меламед?», «Где Леонид?». В комнате Варпаховский и Зина Райх.

З.Р.: Ленечка! Что это с ним? Откуда у попугая такой репертуар?

Л.В.: Это его мэтр приучил. По его творческой задумке Исаак Меламед купил к постановке «Дамы с камелиями» этого попугая, которого стали выносить в клетке на сцену на каждой репетиции. Все репетиции обычно начиналась с крика: «Где Меламед?» и кончались криком мэтра «Где Леонид?».

З.Р.: Так Вы его храните в своей комнате?

Л.В.: Да нет. На премьере, когда на сцене зажегся свет, попугай, не услышав привычного призыва, сам закричал его голосом: «Где Меламед? Где Меламед? Где Меламед?» Пришлось дать занавес и убрать эту режиссерскую задумку со сцены. Но не выгонять же попугая. Он красивый. Пришлось мне взять его на содержание.

З.Р.: Бог с Вами, Леня. Вы на меня намекаете?

Л.В.: Бог с Вами, Зина. Вы же актриса, прима, и глава семьи.

З.Р.: Глава семьи у меня мэтр.

Л.В.: Что Вы, Зиночка? Глава семьи не тот, кто зарабатывает деньги, а тот, кто их тратит. Так заведено во всех приличных еврейских семьях.

З.Р.: Почему о национальности Мейерхольда всегда думают самое худшее? Он вовсе не еврей, а немец, крещеный лютеранин из Пензы, был Карлом, а, крестившись, стал Всеволодом.

Входит Мейерхольд. Он в кожанке, с револьвером в кобуре на боку. Садится за стол.

В.М.: Убью каждого, кто не будет подчиняться мне на репетиции. Это мой театр, я режиссер. Станиславский изобрел должность режиссера, а допускает у актеров отсебятину. Я этого не потерплю.

З.Р.: И только этим Станиславский отличается от тебя?

В.М.: Нет. У него театр психов. Станиславский требует психологического вхождения в образ. Он заставляет актёра на три часа сойти с ума, поверить, что он не актер Рабинович, которому уже 50 с гаком, а помещик Иванов в пьесе Чехова или разбойник Карл Моор у Шиллера, или юноша Ромео у Шекспира. Поверить, несмотря на пребывание на сцене пожилой партнёрши, жены Клавды, которая играет 14-ти летнюю Джульетту. И если они не сходят с ума, он кричит "Не верю!".

Л.В.: Но, мэтр. Вы же были у Станиславского, и он учил Вас этому?

В.М.: Временное помешательство создается системой этюдов, при помощи которых Станиславский муштрует своих несчастных актеров. Например, он говорит женщине в годах, "Вы - собака". И она становилась на четвереньки, начинала лаять, вилять толстым задом, как хвостом, а наиболее мстительные для отвязки кусают самого Станиславского за пятки и рычат на него. Иногда после этих этюдов наиболее старательные и впечатлительные так и оставались на четвереньках и не прекращали лаять. Временное помешательство сменялось постоянным, и лающего актера увозили в карете скорой помощи в психушку. Станиславский с его "Верю - Не верю" быстро мне надоел. Читайте "Театральный Роман" Булгакова. Он там все верно описал, хотя я его терпеть не могу.

Л.В. (Достаёт тетрадь и ручку): Мэтр! Тогда сформулируйте Ваш метод.

В.М.: Биомеханика, в какой-то степени конструктивизм. Актёр должен владеть своим телом, как циркач и воздушный гимнаст. Текст и сюжет пьесы не имеют значения. Никакого вхождения в образ. Никакого правдоподобия. Цирк и балаган понятней народу, чем психологические выкрутасы Станиславского. Истинное мастерство режиссера, это когда "Что" и "Как" приходят в голову одновременно.

Л.В.: Булгаков вам не подходит, а кто подходит?

В.М.: Маяковский. Он даёт максимальное сближение театра с революционной современностью, превращение его в средство политической агитации, что я и сделал в спектаклях "Мистерия-Буфф", "Клоп" и "Баня". Идея площадного театра здесь была осуществлена в сочетании с изощренным искусством серебряного века.

З.Р.: Я видела Маяковского за день до самоубийства. Оно меня буквально потрясло. В этот вечер шла "Баня". Мейерхольда не было в Москве, он был за границей. "Баня" не имела успеха у тогдашнего зрителя. Во-первых, мне кажется, что это была не слишком удачная постановка Мейерхольда, в которой большое режиссерское участие принимал сам Маяковский. Это единственный случай, когда ты, Сева, кого-то допускал до режиссерской работы. Ты так любил Маяковского и так в него верил, что заставлял Маяковского показывать актерам, как играть, и отходил сам в сторону. Леонид, Вам это известно или нет? Маяковский по существу режиссировал сам.

Л.В.: Я "Баню" видел несколько раз. Я еще не работал в Театре Мейерхольда, но видел, как публика, не очень многочисленная, уходила все время в ходе спектакля. Уже после первого акта, после каждой картины, зал пустел, пустел и пустел. Маяковский стоял за порталом театра и печально смотрел в пустеющий зрительный зал. Самоубийство Маяковского имеет, очевидно, комплекс причин, но

когда у человека плохо на душе, то неуспех любимого произведения, а последнее произведение всегда любимое, очевидно, сыграл свою роль.

В.М.: Драматургия должна полностью подчиняться, и даже деформироваться субъективным виденьем режиссёра. Но при постановке классики приходится иногда сближаться с системой психологического театра, как например, в "Даме с камелиями".

З.Р.: Ну и что! Театр – живой. Он должен изменяться, развиваться, как в художественном, так и в политическом плане.

В.М.: Но я считаю себя крайне красным, настоящим большевиком и революционером. Я почитаю себя другом Председателя Реввоенсовета Республики Льва Троцкого, что бы не случилось в политической жизни страны.

Л.В. Мэтр, Вы считаете, что оппозиция вашей творческой манере проистекает из политических противостояний? Или это только творческая конкуренция.

В.М.: Конечно, политическая оппозиция. Что они понимают в театре? Идиоты,

Л.В.: Идиоты не все. Как Вы оцениваете пародию Ильфа и Петрова в «12 –ти стульях». Ведь Ник. Сестрин в театре «Колумб» - это Мейерхольд с точными деталями постановки "Женитьба" по Гоголю в театре Мейерхольда.

В.М.: Талантливые идиоты. Но они юмористы, а не театроведы. Впрочем, пародия – удел самых признанных и выдающихся оригиналов. Вы же знаете, что «Дон Кихот» и Гулливер – пародии... Ну, пора домой, Зина, нам еще предстоит сегодня работа над «Горем уму». Леонид, Вы идете с нами – запишите сценарный план.

З.Р.: Сева, погода мерзкая, мелкий дождь и ветер.

В.М.: *(кидает на шею шарф и обматывает им горло).* Прекрасно. Погода, как в Париже. Вперед.

Занавес.

2-й день.

Занавес закрыт. На просцениуме стоит в прожекторном пятне Аня Варпаховская. Музыка из «Травиаты».

Аня: С лета 1933 г., начались три года сотрудничества с Всеволодом Мейерхольдом, когда они встречались почти ежедневно не только на репетициях в театре, но и дома, где по вечерам (а иногда и по ночам) делалась вся подготовительная работа. В это время были поставлены "Дама с камелиями" по Дюма, "Тридцать три обморока" по водевилям Чехова, "Пиковая дамы" Чайковского в Ленинградском Малом оперном театре и "Горе от ума" Грибоедова. Варпаховский трепетно относился к «Учителю», и все-таки самолюбивого гения с диктаторскими наклонностями, по-видимому, в конце концов, стал раздражать чересчур свободно мыслящий ученик. Только 30 лет спустя в архиве КГБ было обнаружено письмо-донос от 15 ноября 1935, подписанное «треугольником» театра Мейерхольда во главе с директором. В письме говорилось о небрежном отношении Варпаховского к своим обязанностям, карьеризме и антисоветских методах работы. «В лице Варпаховского мы имеем тип, чуждый нам, с которым надо быть весьма

осторожным». Отец тогда и понятия не имел об этом письме, но разрыв произошел. Варпаховский поступил в студию при театре имени Евгения Вахтангова.

В это ужасное, гнусное время, 1936-1938 годы, в стране ничего не стоило погибнуть, оказаться в ГУЛАГе, по вздорным обвинениям, особенно людям нестандартным, мыслящим. Сталин ненавидел Мейерхольда, не потому что ему нравился МХАТ, а по болезненной ненависти к Троцкому и его поклонникам с тех времен, когда тот был самым значительным человеком в стране. На афишах спектакля "Земля дыбом" в 1923 году провозглашалось: "Красной Армии и Первому Красноармейцу РСФСР Льву Троцкому работу свою посвящает Всеволод Мейерхольд". И Сталин припомнил это Мейерхольду. Ему инкриминировали троцкизм и шпионаж в пользу иностранных государств. Следователем по делу Мейерхольда был старший лейтенант Борис Родес. Имеется письмо Мейерхольда уже приговоренного, адресованное Вышинскому. Мейерхольд перечисляет методы ведения следствия, которые применял к нему Родес. Он сломал Мейерхольду левую руку, чтобы тот правой мог писать, поил его мочой. Мейерхольд плакал, унижался, буквально ползал на коленях, но все подписал. Мейерхольда расстреляли в 1938, театр был закрыт, а Зину зарезали «неизвестные» на квартире, чтобы отдать ее КГБ-шному начальнику. Если это можно назвать божественной справедливостью, Родес в чине генерал-лейтенанта безопасности был расстрелян в 1955 году, как человек Берии.

Не ушел от КГБ и Варпаховский. 22 февраля 1936 он был арестован «за содействие троцкизму». Отца арестовали в ночь на воскресенье. Разглядывая из увозившей его машины московские улицы, отец не мог отделаться от досадливой мысли: как бездарно пропало воскресенье! Мог ли он тогда представить себе, что это воскресенье растянется на целых семнадцать лет: с 1936 по 1953 год.

Несчастье обрушилось из-за дяди первой жены отца - пианистки Ады Абрамовны Миликовской. В конце 20-х годов он два или три раза присутствовал при разговорах своего шурина с дядей своей жены Матвеем Абрамовичем Хаитом. Этот дядя был революционером со стажем и убежденным троцкистом, прошел тюрьму и каторгу. Шурина не только не разделял его взглядов, но горячо с ним спорил, а отец, считавший дядю чудаковатым стариком, и в разговорах-то практически не участвовал. Однако сам факт этих разговоров оказался достаточным. Почти десять лет спустя арестовали обоих: и отца и шурина. Шурина получил срок, попал на Колыму и вскоре погиб.

Что касается отца, то его полная непричастность к политике была очевидной, в его записной книжке оказались одни только театральные телефоны. Но «Особое совещание» НКВД 4-го апреля приговорило Варпаховского к трехлетней высылке в Казахстан. В Алма-Ате он устроился в театр русской драмы, и в 1937 поставил там несколько спектаклей,

Занавес открывается. Кабинет следователя НКВД в Алма-Ате. Следователь сидит за столом на единственном в комнате стуле. Варпаховский стоит под направленной ему в лицо настольной лампой.

Следователь: Фамилия, имя, отчество.

Л.В.: Варпаховский Леонид Викторович. За что меня арестовали?

Следователь: Вопросы задаю я. Ваше дело отвечать. Когда вы арестованы?

Л.В.: 22 февраля 1936.

Следователь: Начальник Управления по делам искусств при Совнаркоме Казахской ССР Мусрепов сигнализирует, что в театр приглашен в качестве единственного режиссера враг народа Варпаховский, никому не известный и к тому же государственный преступник.

Л.В.: Я не государственный преступник, я в ссылке, но работаю по своей специальности режиссером в театре. Ко мне приехала семья – жена и 3-х-летний сын. Я надеялся, что недоразумение кончится само собою. Но оказалось, что ссыльных арестовывают буквально всех подряд, Меня арестовали 18/XI-1937 г. Я отказываюсь говорить о каких-нибудь законных мерах по отношению ко мне. Пятые сутки меня держат без сна на ногах. Ноги распухали. Когда я падал, меня обливали водой, поднимали, ставили снова. Все то, что мне говорили о моих преступлениях, сплошной вымысел. Мне дали очную ставку с неким Прянишниковым, тоже бывшим ссыльным, который клеветал на меня, обвиняя меня в антисоветских высказываниях. Я разоблачил его тут же, на очной ставке, и протокол этой очной ставки при мне был порван следователем.

Следователь: Расскажите о вашей троцкистской антисоветской деятельности.

Л.В.: В Алма-атинском государственном театре русской драмы имени Лермонтова я осуществил постановку нескольких спектаклей: концерт-спектакль о Пушкине по случаю столетия со дня смерти поэта, «Оптимистическую трагедию» Вишневого, «Белеет парус одинокий» Катаева и, наконец, «Слуга двух господ» Гольдони. Скоро премьеры этого спектакля, и я ее, по-видимому, уже не увижу. Эти постановки не имеют никакого отношения к троцкизму. Они идут в Москве и других городах.

Следователь: При обыске у вас изъяли записи. Что это за записи? Там есть зашифрованные обозначения. Это шпионские записи?

Л.В.: Это партитуры спектаклей. В них записан режиссерский план постановки, графическая система записи музыкального, звукового и видового ряда спектакля, больше ничего.

Следователь: Вы пытаетесь обмануть органы НКВД. Считаете следователей безграмотными и безмозглыми идиотами. Мой коллега, разоблачая французского шпиона, записал с его слов, что тот завербован кардиналом Ришелье. Только позже удалось установить, что это дезинформация, поскольку означенный Ришелье жил 300 лет назад.

Л.В.: Смешной случай.

Следователь: Но это не помешало правосудию. Хорошо смеется тот, у кого есть алиби.

Л.В.: Зато способности Кардинала Ришелье полностью восприняты вами. Его девизом было: «Дайте мне 6 строк, написанных рукой самого честного человека, и я отыщу в них повод отправить автора на виселицу». Но по части арестов и заговоров вы его перещеголяли. За 18 лет своего правления Ришелье раскрыл больше «заговоров», чем за всю предыдущую историю Франции, А сколько Вы раскрыли заговоров за один только год?

Следователь: Не ваше дело. Здесь вопросы задаю я, а ваше дело рассмотрит суд в самое ближайшее время. Мое заключение – 10 лет без права переписки за

контрреволюционную агитацию, в которой вы мной полностью изобличены.

Уведите. Руки назад.

Л.В.: Зачем? Вы опасаетесь, что я убью Вас или конвоира?

Следователь: Руки впереди вызывают у заключенного опасные мысли. Руки сзади – другое дело. Чересчур умный. Кому больше дано, тот должен дольше сидеть.

Занавес.

3-й день.

Занавес закрыт. На проспектиуме стоит в прожекторном пятне Аня Варпаховская. Музыка.

Аня: В это же время, здесь же в Алма-Ате, была арестована и первая жена моего отца - Ада Миликовская. До сих пор неизвестно, была ли она расстреляна или погибла в одном из лагерей ГУЛАГа. Их сыну Федору в тот момент не было и трех лет. Мать ему заменила сестра отца - Ирина Викторовна.

В сентябре 1940 из Алма-Аты отца отправили в ГУЛАГ по долгой, мучительной дороге на Дальний Восток в набитом эсками товарном вагоне. Из этого вагона беспомощный и подавленный, не зная, что его ждет впереди, 29 марта 1938 года, в день своего 30-летия, он пишет записку своей матери и бросает ее, как гибнувший мореплаватель бутылку в океан, на железнодорожное полотно. "Человек, кто бы ты ни был, отправь эту записку моей матери по указанному здесь адресу". Невероятно, но эта записка нашла своего адресата! Получив ее, моя бабушка, женщина пылкая, обожавшая отца, бросилась в Прокуратуру СССР, прорвалась в приемную чуть не самого Вышинского, устроила там настоящую истерику и добилась-таки, чтобы по поводу отца был послан из Прокуратуры какой-то формальный запрос, который, возможно, спас ему жизнь.

Их привезли в лагерь неподалеку от города с издевательским названием «Свободный» — в административный центр БАМлага, Здесь было восемь тысяч заключенных. Почти ежедневно по узкоколейке, издавая пронзительный звук, подъезжала «кукушка». Зачитывался список на 30-40 человек, этих людей увозили. Они не возвращались. Подробности расстрелов отец узнал от человека, взятого по ошибке и возвратившегося по недосмотру. Человек этот вернулся совершенно седым и рассказал, что партию зеков раздевали догола, сгоняли в машину, довозили до какого-то рва, группами расстреливали, бросали в ров и закапывали.

Списки были составлены по алфавиту, и отец говорил, что ни с чем не может сравнить той смены чувств, какая совершалась в нем, пока подходила, наступала и проходила его буква "В". Так продолжалось более месяца. Быть может, тот самый запрос из прокуратуры заставил лагерное начальство предположить, что отец еще нужен для какого-то дела в НКВД, и тем уберег его. Или же это произошло случайно, но он остался жив. Когда от партии, с которой прибыл отец, осталось всего человек сто, расстрелы прекратились. Тех, кто уцелел, отправили дальше - во Владивосток, а затем на Колыму.

Неисповедимы пути репрессивного аппарата ЧК. В декабре 1938 был снят с должности главного исполнителя репрессий нарком Ежов. Вслед за ним были

репрессированы 101 высший чин НКВД — заместители Ежова, почти все начальники отделов центрального аппарата НКВД, наркомы внутренних дел союзных и автономных республик, начальники многих краевых, областных и городских управлений. К управлению мясорубкой пришел Берия, и расстрелы временно остановились. Возможно, запрос из Москвы выделил отца из серой массы зеков, которых безжалостно гнали на смерть, и ликвидация отца на конвейере смерти была отложена.

В судьбе отца характерные черты ужасного времени парадоксально преломились в яркой, незаурядной личности, в сочетании с исключительными, порой на грани чудес, обстоятельствами.

Его отправили во Владивосток, на пересылку. На этой пересылке, в одном из соседних барачков умер поэт Осип Мандельштам. Там заключенные оставались около месяца. В пересыльном бараке встретились Варпаховский и Юрий Домбровский — будущий писатель, автор книг «Факультет ненужных вещей», «Лавка древностей» и других. О чем они могли говорить между собой на лагерных нарах? Это стало известно много лет спустя, в марте 1956-го из письма Юрия Домбровского отцу.

Их ожидала погрузка в трюмы на пароход «Дальстрой», и отец помог товарищу добраться до парохода, когда тот уже почти не мог идти. Было мучительное плавание на «Дальстрое», трюм, забитый умирающими. С драками уголовников, со стрельбой охранников наугад, с трупами, лежащими вперемешку с живыми. Потом золоторудный прииск, рудник, работа около бойлера, который надо было заливать водой, а донести ее, не расплескав, было невозможно; так и ходили все мокрые и обледенелые. Еще хуже досталось Домбровскому. «Я многострадальнее Вас, — писал он — Вы попали, очевидно, на рудник, а я на “прокаженку” — 23-й километр. Очень многое нужно, чтобы колымчанин окрестил пункт “прокаженкой” — и это многое там было полностью. Вы умирали в проклятом сарае стоя, мы дошли в брезентовых палатках лежа. Только и разницы».

Занавес открывается. На переднем плане двухъярусные нары в лагерьном бараке. Сзади панорама барака с телами заключенных. На верхней полке лежит Варпаховский, на нижней Домбровский. Оба в оборванных лагерных робах и шапках-треухах.

Л.В.: Послушайте, товарищ. Я вижу, вы второй день не встаете и не разговариваете. Что с вами?

Ю.Д.: Сил нет. Конечно, молчать трудно, особенно, когда тебя не спрашивают.

Л.В.: Есть хотите?

Ю.Д.: Аппетит приходит во время отсутствия еды.

Л.В.: Я дам Вам немного хлеба. Все равно утром здесь уводят туда, где еда уже не понадобится. Кто знает, кого уведут завтра? (*Протягивает кусок хлеба*). Хлеб, правда, не очень свежий.

Ю.Д.: Спасибо. О кусках не спорят, когда нечего есть? Юрий Осипович Домбровский. А Вы откуда?

Л.В.: Сюда из Алма-Аты. А вообще-то я москвич. Леонид Викторович Варпаховский.

Ю.Д.: Приветствую собрата по несчастью. Я тоже москвич, с Арбата, разумеется транзитом через алма-атинскую ссылку. Специальность?

Л.В.: Театральный режиссер. А Вы?

Ю.Д.: А я археолог. Пробовал писать. Написал роман «Державин». Статья 58-10.

Л.В.: Так мы с Вами полные коллеги. Я имею в виду статью.

Ю.Д.: Обвинение одно: "Охаивание мероприятий партии и правительства; распространение антисоветских измышлений". Но я не признал и ничего не подписал.

Л.В.: А меня и не спрашивали. К каждому празднику Алма-Ату "подчищали": забирали ссылных, давали срок и отправляли в лагеря. Судов не было. Объявили приговор тройки, и сюда. Заставляли, правда, признаться в антисоветской деятельности, связях с иностранными разведками и прочее. Считалось, что признания на допросе вполне допускают заведомую ложь и называются разоружением перед органами.

Ю.Д.: Признание вины облегчает участь невиновного. Но в принципе признание или непризнание никакой роли не играют.

Л.В.: Жена и сын где-то также пропали. Сыну – 3 годика. Что с ними – не говорят. Жена – прекрасная пианистка, ученица Генриха Нейгауза. В музыкальном мире ей прочили блестящее будущее. Какие обвинения можно выдвинуть против пианистки?

Ю.Д.: Да и меня убить хотели эти суки... Извините, это цитата из моего стихотворения. А какие обвинения можно выдвинуть против археолога? Предметы старины для меня не мертвые ценности, а часть истории человечества. Искристый, игольчатый сок, брызнувший из Алма-атинского яблока, на равных существует с монетой времен императора Аврелиана.

Л.В.: В русском театре Алма-Аты в 1937 году я написал и поставил к 100-летию Пушкина «Вечер памяти Пушкина». Актеры в одеждах пушкинской эпохи, стихи и романсы, сцена с Николаем I, раскрывающая интригу дуэли. Получил грамоту Горсовета. Ставил «Оптимистическую трагедию» Вишневского – произведение, воспевающее революцию и Сталина. Моя режиссерская трактовка противоречила Таирову, но ведь Таиров как раз подвергался критике в советской печати. Я три года работал у Мейерхольда и исповедую его школу.

Ю.Д.: Подобные заслуги не принимаются во внимание властью. Возьмите французского поэта Андре Шенье. Поначалу Шенье был привержен идеям Великой французской революции, хотя и осуждал крайности. Он посвятил оду Шарлоте Корде, убийце Марата. Но публиковал смелые статьи против якобинцев. Шенье был арестован в марте 1794 и вскоре ему отрубили голову на гильотине. Вы работали у Мейерхольда. Тогда чего Вы удивляетесь, что Вы здесь? Ведь он же троцкист.

Л.В.: Я ушел от Мейерхольда за два года до его ареста. Я создал свой собственный графическим почерк театра - метод записи спектакля и его стиля, сценической композиции, в которой записывались и положение актеров на сцене, и музыкальное сопровождение, и мизансцены. Следовательно решил, что это зашифрованные шпионские записи.

Ю.Д.: Все, что Вы сделали для театра, прекрасно. Только я не надеюсь, что мы

когда-нибудь выберемся отсюда. Но если получится, я хотел бы встретить однажды своих следователей – двух подонков: Мячина и Хрипушина. Я понимаю, что это мелко, но ничего с собой поделывать не могу. Надо мечтать об осязаемом, могучем многообразии мира, о свободе духа, перед которой бессильна бесчеловечная идеология,

Л.В.: Дай Вам Бог выжить. Только здесь Ваша эрудиция и могучий дух борца за свободу ничего не стоят. Можно ли льва в клетке считать царем зверей?

Ю.Д.: Нет, конечно. Как написал Карл Маркс, «Новая эра отличается от старой эры главным образом тем, что плеть начинает воображать, будто она гениальна». То, что произошло, в точности воспроизводит предназначение классика. Но я не могу ползать, хотя меня поставили на колени.

Л.В.: Жизнь здесь ничего не стоит: стоя, сидя, на коленях или ползком. Потерпите немного, жизнь кончится. И утро вечера мудреней.

Ю.Д.: Выхожу один я из барака, предо мной тернистый путь лежит...

Звучит песня пересыльных

Я помню тот Ванинский порт
И вид парохода угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт,
В холодные мрачные трюмы.
От качки стонали зека,
Обнявшись как родные братья,
И только, порой, с языка
Срывались глухие проклятья.
А утром растаял туман,
Утихла пучина морская,
Восстал на пути Магадан -
Столица Колымского края.
Пятьсот километров - тайга!
Качаются люди, как тени,
Машины не едут сюда,
Бредут, спотыкаясь, олени...
Будь проклята ты, Колыма -
Что названа "Чудной планетой"!
Сойдешь поневоле с ума,
Обратно возврата уж нету!
Я знаю, меня ты не ждешь,
И писем моих не читаешь.
Встречать ты меня не придешь,
А если придешь - не узнаешь.
Прощайте, и мать, и жена,
И вы, малолетние дети.
Знать, горькую чашу до дна
Пришлось мне выпить на свете.
По лагерю бродит цинга.
И люди там бродят, как тени.

Машины не ходят туда -
Бредут, спотыкаясь, олени.
Будь проклята ты, Колыма,
Что названа Черной Планетой.
Сойдешь поневоле с ума -
Оттуда возврата уж нету.

Занавес.

4-й день.

Занавес закрыт. На просцениуме стоит в прожекторном пятне Аня Варпаховская. Музыка.

Аня: Отец и Юрий Домбровский лежали на нарах и говорили, не переставая, в течение почти целого месяца. Их растащили в Магадане. Подумать только, два измученных, голодных человека, впереди — страшная неизвестность, вокруг — ад, а они — о «графическом почерке театра», о Гордоне Крэге и Андре Шенье. Однажды, прямо перед нами застрелили одного бандита, ибо был «шумок». Бандит лежал с заголившимся брюхом на окровавленном белье отца.

В сентябре 1940 г. отец был этапирован на Колыму. Начался "колымский период" - самый долгий и самый тяжелый в жизни отца. Особенно страшными были первые годы. Отец оказался в месте, пользовавшемся дурной славой, - Чай-Урьинском управлении. Партию заключенных, в том числе отца, отправили на тяжелые работы в тайгу - в кузов грузовика набили человек тридцать. Через два месяца из этой партии в живых остались только двое - отец и еще один заключенный. Здесь, как и над воротами в Освенцим, следовало повесить плакат: «Свобода через труд!» Отец вспоминал, как он мысленно перефразировал тогда Пушкина: "...иль Чай-Урьинская долина мой примет охладельный прах...".

Судьба свела отца с Варламом Шаламовым, который был в колымских лагерях с 1937 по 1951 год и описал их встречу в бане в «Колымских рассказах». Обычно, когда привозили на новый лагпункт, первым делом вели в баню. А баня — это темнота, грязь, маленькая закопченная лампочка, а вокруг голые люди с шайками в руках, потные, скользкие тела, татуировка, матерщина, толкотня, окрики конвоиров, теснота. Коптилка на стене, около коптилки парикмахер на табуретке с машинкой в руках, мокрое белье, ледяной пар в ногах, черпак на все умыванье. Связки вещей взлетают на воздух в полной темноте: “Чье? Чье?” И вот шум почему-то вдруг прекращается, и сосед, стоящий в очереди для того, чтобы снять пышную шевелюру, читает звонким, актерским голосом стихи Твардовского:

*То ли дело — рюмка рома,
Ночью — сон, поутру — чай,
То ли дело, братцы дома...»*

Все смеются. Живут люди и в нечеловеческих условиях.

С начала 39-го года, не получая писем от жены и по уклончивым письмам родных, отец понял, что его жена арестована. Его начали преследовать галлюцинации. Стоило ему отойти от костра в темноту, как Ада являлась ему и

звала. До конца жизни он не мог оставаться ночью один, и всеми силами старался избежать темноты.

Однажды, чувствуя, что силы его на исходе, и не видя никакого выхода, отец вместе с тремя другими заключенными решил бежать из лагеря. Предприятие это было совершенно бессмысленным: кругом на сотни километров тайга, беглецов рано или поздно ловили или пристреливали, если они сами ни успевали умереть с голода. Тем не менее, к побегу стали готовиться, засушили, сколько могли, хлеба и в назначенный день сговорились встретиться после работы и бежать. Однако партию заключенных, в которой находился отец, привели в лагерь часа на два позже обычного, и когда отец явился к месту условной встречи, его товарищи уже ушли. Наутро три трупа были выставлены у лагерной вахты для назидания остальным заключенным.

Что же позволило отцу выжить в этих нечеловеческих условиях? Слепая цепь счастливых случайностей? Думаю, что не только. В нем всегда было нечто такое, что привлекало и располагало к нему людей. С виду беспомощный, не приспособленный к жесткой жизненной прозе интеллигент, он обладал способностью вызывать у людей, в том числе, у несентиментальной лагерной obsługi, желание как-то, чем-то, в чем-то помочь ему. Отец знал эту свою особенность и сознательно или бессознательно пользовался ею. Например, когда он работал в котельной, молоденький лейтенант из числа посланных на Колыму по комсомольской путевке, смотрел на жалкого доходягу, таскающего дрова, как на пустое место. Отец, напевает совершенно не соответствующий обстановке романс Вертинского на слова Беранже. Лейтенант присматривается, потом заговаривает с ним. На другой день, проходя мимо отца, он опускает ему в карман кусок хлеба и папироску.

Порой вырuchало везенье. Был, например, такой случай. В лагере духовой оркестр играл при выводе на работу, в пять часов утра. Играли фальшиво. Как говорил начальник: «Ну ладно, мне медведь на ухо наступил - с вами же он, похоже, переспал». Узнав, что у отца музыкальное образование, его вызвали, спрашивают: «Можешь ноты исправить?» Он взялся за исправление партитуры, и две недели был в тепле, более или менее сытый. Пустьчок, а приятно.

Однажды отец узнал, что в соседнем лагере существует культбригада - группа заключенных для культмассового обслуживания изнывающего от серой жизни начальства и заключенных. По своему составу культбригады были весьма разнородны, - все, кто в той или иной степени обладал умением петь, играть, плясать, декламировать. В культбригады 58-я допускалась только в виде исключения. Попадались и совершенно случайные люди и профессиональные артисты. Условия в культбригадах были привилегированные: там обычно не голодали.

Отец решает попробовать счастья и добраться до этой культбригады. Выход через вахту запрещен: выйдешь из зоны — стреляют. С точки зрения охраны заключенный вне ограды из колючей проволоки — беглец, и прицел винтовки — единственная точка зрения часового. Но отец был уже доведен до такого отчаяния и безразличия ко всему, даже к собственной жизни, что, не думая, побрел из зоны. И вот чудо: никто его не окликнул, не остановил, никто в него не выстрелил. Он беспрепятственно добрался до культбригады Часовые на вышках даже представить

себе не могли, что вышел он самовольно Раз человек идет, значит, имеет право; его даже не окликнули. Он прошел четыре километра и вошел в соседний лагерь и разыскал барак культбригады.

*Занавес открывается. Культбарак. Над интерьером барака плакат;
«Зеки! В ответ на заботу товарища Сталина ответим ударным трудом!»*

По стенкам нары, а в центре стол, на котором лежали пайки хлеба. железная печурка. Висят коврики с лебедями. На нарах блатные играют в карты, курят. У стола сидит группа зеков: Кольцов, Шаламов и др. Поют.

От злой тоски не матерись —
Сегодня ты без спирта пьян:
На материк, на материк
Идет последний караван.

Опять пурга, опять зима
Придет, метелями звеня.
Уйти в бега, сойти с ума
Теперь уж поздно для меня.

Здесь невеселые дела,
Здесь дышат горы горячо,
А память давняя легла
Зеленой тушью на плечо.

А до весны, до корабля
Уж больше мне не дотянуть.
Не пухом будет мне земля,
А камнем ляжет мне на грудь.

От злой тоски не матерись, —
Сегодня ты без спирта пьян:
На материк, на материк
Ушел последний караван.

На втором куплете входит Варнаховский.

Л.В.: Пламенный привет работникам, несущим свет культуры из своего темного прошлого. Вы – культбригада?

Шаламов (иронично): Смотрите, кто пришел. Ты откуда взялся? Я тебя в нашем санатории еще не видел. Ты откуда?

Л.В.: Из Москвы.

Шаламов: Ну и кто же вы — Моцарт или Гамлет?

Л.В. (подумав): Скорее, Гамлет. Хотя и Моцарт, если вы так различаете амплуа.

Шаламов: Ладно. Сейчас с вами поговорят. Юра! Тут артист из Москвы объявился, потолкуй-ка с ним.

Ю.Кольцов: Враг народа из погорелого театра. Статья?

Л.В.: 58-10.

Ю.Кольцов: Врагнародный артист. В каком театре работали в Москве?

Л.В.: В театре Мейерхольда.

Ю.Кольцов: Знаете, на каком расстоянии находится Малый театр от Большого?
Л.В.: 50 метров.

Ю.Кольцов: Вам понравилась актриса Гельцер из Малого театра?»

Л.В.: Гельцер — балерина.

Ю.Кольцов: Ладно. Можете назвать каких-нибудь артистов театра Мейерхольда.

Л.В.: Могу. Зинаида Райх, Эраст Гарин, Михаил Жаров, Игорь Ильинский, Сергей Мартинсон, Лев Свердлин, Михаил Царёв, Максим Штраух, Мария Бабанова, Николай Боголюбов, Дмитрий Орлов,

Ю.Кольцов: Позвольте, а кем же вы работали в театре Мейерхольда?

Л.В.: Я был ученым секретарем.

Ю.Кольцов: Ну вот, здесь вы и промахнулись. До сих пор вы говорили мне правду, а сейчас обманули. Ученым секретарем у Мейерхольда был мой друг, Леня Варпаховский.

Л.В.: Простите, а ваша фамилия?

Ю.Кольцов: Кольцов.

Л.В.: Мхатовский Юра Кольцов?

Ю.Кольцов (недоверчиво): Леня?

Л.В.: Юра! *(Обнимаются).*

Ю.Кольцов: Ребята, дайте ему хлеба! *(Перед Л.В. положили буханку хлеба и, как он ни стеснялся, как ни старался отламывать по маленькому кусочку, все же голод взял свое, и кусочек за кусочком он съел ее всю).* Я постараюсь тебя взять в бригаду. Пока я могу предложить только должность барабанщика в оркестре, у тебя же есть музыкальное образование. А потом разберемся. Хочешь жить - умей втереться.

Л.В.: Знаешь, у вас здесь есть хлеб. Я согласен.

Ю.Кольцов: Вообще-то моя фамилия Розенштраух. В культбригаду попал дуриком. Погибал на лесоповале. Там был морг. А в морге работал старик, караульный. У его печки часто собирались уголовники погреться. Сторож играл с ними в карты и в домино. А когда у него не случалось партнеров, сажал мертвецов и «играл» с ними. Как-то я отчаялся и зашел в избушку. Уголовные спрашивают: «Ты кто?» «Я артист». — «Ах, артист, ну так тисни роман». Уголовники ж звери. Но если вы им расскажете что-нибудь жалостливое, например, как мать бросила грудного ребенка на произвол судьбы, они будут обливаться горячими слезами. Я стал читать им Чехова. Они слушали, развесив уши. Меня стали пускать в сторожку. Как-то туда нагрянул начальник лагеря, стал выяснять, что там происходит. «Да вот, — говорят, — артиста слушаем». — «Кто такой?» — «Я, говорю, — артист МХАТа». А у этого начальника была слабость к театру. Он привел меня в свой кабинет, вынул наган, положил его на стол и говорит: «Рассказывай. Если ты действительно артист, я тебе помогу. Но если ты наврал, то я тебя хлопну на месте». Борясь со страхом, я стал что-то рассказывать и так понравился начальнику, что тот устроил меня в бригаду. Потом, правда, этот начальник проворовался, оказался в лагере и стал петь у нас в хоре. Такая вот судьба – не угадаешь. Плохо охранял – сам попал под охрану.

Л.В.: Здесь всякий талант, в конце концов, зарывают в землю, как только земля оттает.

Ю.Кольцов: Не грусти. Как появится наш куратор и благодетель – Фейгин – из культурно-воспитательного отдела Магаданского ГУЛАГа. Он как-нибудь все устроит, хотя с твоей 58-й это не просто. Но главное – он человек, в отличие от остального начальства; эти – звери, собаки - злые. И беспринципные.

Занавес.

5-й день.

Занавес закрыт. На просцениуме стоит в прожекторном пятне Аня Варпаховская. Музыка - песня военного времени

Аня: На какое-то время отец был пристроен, и вскоре новая удача. Направление в культбригаду организовал сотрудник культурно-воспитательного отдела Фейгин, что практически спасло Варпаховскому жизнь. Этого Леонид Викторович никогда не забывал. В письме от 27 декабря 1965 года он написал Фейгину. "Несколько дней назад встретился в Ленинграде с бывшим работником Политуправления Дальстроя. Туревским. Мы очень долго говорили о Вас. Я рассказал ему о том, как Вы отнеслись ко мне в Ягодном, и как, благодаря этому, состоялась наша с ним встреча сегодня в Ленинграде. Такое незабываемо! Вы с риском для себя спасли меня, и хочу надеяться, что в этом не раскаиваетесь. Во всяком случае, всей моей дальнейшей жизнью и работой я стремился к тому, чтобы этот свой поступок никогда себе в укор не ставили. Встреча с такими людьми, как Вы и Лев Моисеевич Туревский, помогла мне не опуститься духовно, продолжать себя считать человеком. Спасибо Вам, прекрасный и красивый человек!"

Отец становится руководителем культбригады, составляет программы концертов, ездит с культбригадой по приискам, ставит спектакли и концерты. Вначале он поставил «Мнимого больного» Мольера - самый веселый спектакль в его тяжелой жизни. Культбригада, по существу, «крепостной» театр, кочует из лагеря в лагерь. Артистов на лесоповал не гоняли, кормили на каждом новом месте, лечили в медсанчасти. Фейгин часто устраивал артистов для отдыха и творческой подготовки в оздоровительный пункт лагеря, находившийся на Беличьей. Нередко там бывал и Варпаховский, общался с хирургом Борисом Семеновичем Коноваловым и фельдшером из бывших заключенных Борисом Николаевичем Лесняком, с которыми до позднего часа велись негромкие разговоры о жизни. Медперсонал был различным. Шутили:

- Сестра! Я поручил вам взять кровь у пациента из 6-й палаты.

- Я взяла, доктор. Получилось больше 5-ти литров.

«Контриков» в культбригаде было много. А что было делать?! Не с уголовниками же нести в лагерь высокие идеалы социализма.

В культбригаде у отца был собственный номер, который принес ему широкую популярность. Шла война. Лагерный художник изготовил для него из папье-маше голову Гитлера. Леонид Викторович написал сатирические репризы и выступал с этой куклой на концертах. Номер назывался «С головой Гитлера в чемодане».

Странная особенность отмечена у самых озверелых душегубов, как в немецко-фашистских, так и в сталинских лагерях смерти. Они были не только сентиментальными чадолюбивыми семьянинами, но и меценатами искусства,

поклонниками музыки и театра. От этих людей целиком и полностью зависели не только еда, работа, но и жизнь заключенных. «Меценаты», упиваясь своей властью, для собственного удовольствия и показухи давали возможность жить и творчески работать «крепостным» актерам, художникам, певцам и скульпторам. Меценатство лагерного начальства определялось тем, что, имея власть, богатства, жизненные блага, которые и не снились современным олигархам, они не имели никакого контакта с культурой и искусством. И даже понятия не имея о том, что такое опера: послушать ее они не могли.

К таким меценатам относился, например, начальник горного управления, по фамилии Гакаев. Он был страшной личностью: ходил по забоям рудника и, если видел, что человек не может двигаться, «доходит», — собственноручно его пристреливал.

Начальник Дальстроя генерал-лейтенант Иван Федорович Никишов, имел личный особняк в центре Магадана, сад вокруг дома, единственный в Магадане, и прямой провод к Сталину. Он был в зените своего могущества, когда по комсомольской путевке в Магадан приехала 20-летняя Александра Гридасова, которую поставили работать мастером на промывке золота. С ней завел роман Никишов. Жenu и детей отослал «на материк», и Гридасова поселилась в его особняке. Она сразу получила чин лейтенанта, а затем становится начальницей Маглага - хозяйкой жизни и смерти многих тысяч людей. Романтическая комсомолка быстро превратилась в зверя. Она ссылала, давала сроки, "довески" и стала в центре интриг, по-лагерному подлых. В ее распоряжении личная машина с шофером, обслуга. Многих она сгубила, но многие обязаны жизнью этой своеобразной, капризной, взбалмошной, бабе. Александра Романовна решает стать покровительницей искусств. Она поклонница артистических дарований, и действительно многое сделала, чтобы спасти попадавших на Колыму актеров, музыкантов, художников от губительного для них лесоповала. И культбригада, и театр, и вся жизнь артистов находилась в полной власти Никишова и Гридасовой, их расположение или немилость решали их судьбу без права апелляции. Недовольное выражение лица могло обернуться увеличением срока.

Но гордость за внедрение культуры в ГУЛАГе не покидала начальство. Первой даме Колымы льстило, что в "ее" театре будут петь оперу. Сидя в своей ложе Никишов, слушая спектакль, говорил свите: «Здесь недавно были белые медведи, а теперь мы оперу слушаем», — и послал за кулисы несколько яблок. Художественный вкус и культурный уровень «хозяев» требовал особого подхода. Например, руководительница магаданского театра, этакая огромная матрона, потребовала убрать из фойе безобразное художество — портрет мужика с красной рожей. А когда ей объяснили, что это великий русский композитор Мусоргский, сокрушалась, что композитора нарисовали в таком неприличном виде. Гридасова, как-то прислала распоряжение, в котором приказала включить в программу концерта «куплеты Дореадота».

Шла война, и заключенные переживали за страну ничуть не меньше охранников. Осенью 1943 года наши войска приближались к Киеву.

Занавес открывается. На сцене задняя кулиса театра. Стоит Варпаховский. Из зала (за кулисой, где расположена сцена) шум, аплодисменты, крики. «Ура!», пара шапок влетает за сцену. Со сцены влетает Аркадий Школьник.

Аркадий: Леня! Какой успех! Ты видишь! Я тебе говорил, а ты не верил. Это же праздник!

Л.В.: В ГУЛАГе праздники не встречают, а назначаются начальством.

Аркадий: Брось! Когда я сказал тебе, что Гакаев приказал к 7 ноября «сочинить концерт» после просмотра «Мнимого больного» и твоего выступления с головой Гитлера в чемодане, ты что мне ответил?

Л.В.: Ответил, что Гакаев ходит с пистолетом и, если он предупредил, что за этот концерт я отвечаю головой, то мы с тобой воссоединимся ... в общей могиле. В лучшем случае, послали бы на штрафной прииск, а то и вообще... От Гакаева всего можно ждать. Но я рад, что твои вирши под названием «Днепр бушует» совпали с взятием Киева. А ведь могли и не совпасть.

Аркадий: Да, надергались мы, пока пришло сообщение. Но как повезло, когда об этом объявили перед самым спектаклем. Я был уверен, что так будет. У меня опыт идеологической работы: не мог Сталин не поставить задачу взять Киев к годовщине Октября. И взяли!

Л.В.: Слава Богу, музыкальное сопровождение не подвело. Все музыканты выступили во фраках. Особенно эффектно было, пока фрачные хвосты торчали из-под телогреек.

Аркадий: Знаешь, Леня! Я, честно говоря, перепугался, когда 7 ноября на носу, а Киев все еще не взят. Могли расценить спектакль как провокацию, антисоветскую издевку. Под угрозой была вся культбригада.

Л.В.: Ну, мы ж не спали почти двое суток. Кое-что успели лихорадочно переделать.

Аркадий: И вот открывается торжественное заседание, Поднимается генерал Никишов и объявляет: "Товарищи, только что получено сообщение: наши доблестные войска освободили город Киев!"

Л.В.: Пожалуй, подобного зрительского успеха у нас еще не было

Входит Гридасова

Гридасова (Варпаховскому): Вы делали «Сталинград» и сегодняшний спектакль?

Л.В.: Я со своими товарищами. Вот Аркадий Школьник, автор текста.

Гридасова: Поздравляю. Будете работать руководителем магаданской культбригады. По существу, это театр в столице Колымы Магадане. Можете сделать мне настоящий театр в Магадане, чтобы все там было – опера, оперетта, Большой и Малый театры?

Л.В.: Я постараюсь. Певцов у нас маловато.

Гридасова: Это не проблема. У меня там есть вольнонаемный певец Антонов и заключенные Артамонова – бывшая солистка Ленинградского театра оперы и балета и Яковлева - солистка ансамбля песни и пляски Центрального дома Красной Армии. Не волнуйся, Варпаховский, хором мы тебя обеспечим, к нам в лагерь вот-вот прибедет из Томска эстонская капелла в полном составе».

Л.В.: А их-то за что?

Гридасова: Не Ваше дело. Завтра утром я пришлю за Вами машину.

Гридасова уходит так же стремительно, как появилась.

Аркадий: Ну, Леня, меня не забудь взять с собой.

Л.В.: Что ты говоришь, Аркаша. Мы конечно должны работать вместе. Но не забывай, я и в Магадане остаюсь за колючей проволокой.

Аркадий: Мы все здесь за колючей проволокой. Только по разные ее стороны.

Л.В.: Но мы то с тобой по одну сторону. Крепостной театр – он и есть крепостной.

Аркадий: Но ведь театр, Леня. Ты же мечтал о театре.

Л.В.: Да, я мечтал о театре. Черт с ними, что репертуар и все тексты утверждает Политуправление Дальстроя и лагерное начальство, но постановка зависит от режиссера. И пусть они попробуют не утвердить текст Мольера или Дюма.

Занавес.

День 6-й.

Занавес закрыт. На просцениуме стоит в прожекторном пятне Аня Варпаховская. Музыка из «Похищения Елены».

Аня: Аркадий рассчитал правильно. Освободить Киев к годовщине Октябрьской революции Сталин действительно приказал. Этот идеологический каприз главнокомандующего обошелся армии в несколько сот тысяч солдат, погибших из-за плохо подготовленного наступления, форсирования Днепра «в лоб» силами 27 дивизий. Впрочем, потери солдат списывают на врага, а победу приписывают главнокомандующему.

Но страна ликовала. «Заказчик концерта» был очень доволен. На следующее утро приехала черная «эмка» и увезла отца в столицу Колымы - Магадан, где его назначили художественным руководителем городской культбригады. Маглаговская труппа выступала в единственном в городе театре. Отец был расконвоирован и мог свободно ходить из лагеря в театр и обратно. Он поставил несколько интересных спектаклей с участием профессиональных актеров, в том числе Юрия Кольцова. Оформлял спектакли выдающийся художник - друг отца Василий Иванович Шухаев, художники Вегенер, Карпенко и др.

В 1944 г., была поставлена комедия "Похищение Елены" Л. Вернеля. Отец поставил оперетту с идеей раскрепостить актеров в легкой комедийной постановке. Спектакль прошел с большим успехом. И тогда отец задумал грандиозную постановку оперы "Травиата" Верди по роману Дюма-сына "Дама с камелиями". Он разработал постановочный план, в короткий срок научил малоопытных исполнителей основам актерского искусства. Инструментовщик Кеше переработал партитуру композитора, приспособив ее для малого симфонического состава. Художники Вегенер и Шухаева создали декорации и костюмы, соответствующие эпохе. Премьера оперы состоялась 18 февраля 1945 г. Она была восторженно принята зрителями, имела поистине оглушительный успех. Весьма положительно постановка была оценена, как в лагерной печати, так и газетой «Советская Колыма».

Невероятно дерзкий проект – постановка одного из шедевров мирового оперного искусства в советском концлагере, среди забытых, голодающих рабов, живущих, в основном, за колючей проволокой, – уникальное достижение гениального режиссера. Что дало ему силы вдохновенно, самозабвенно работать над воплощением в жизнь трогательной сказки о самозабвенной любви, не разрушив волшебства музыки, оперного пения, балета, костюмов, декораций, в обстановке свинцовой мерзости колымского концлагеря? Ответ на этот вопрос прост и очевиден: любовь. Лагерная любовь колымских Ромео и Джульетты описана в одном из рассказов Варлама Шаламова. Только, в отличие от Вероны, в Магадане были такие Монтеки и Капулетти, что имели полное право не только разлучить, посадить в карцеры, но и расстрелять и Ромео и Джульетту.

«Даме с камелиями» - писал мой сводный брат Федор Леонидович, - суждено было сыграть особую роль. К отцу как бы приходит второе дыхание, его переполняют скованные раньше творческие и жизненные силы. Он пылко влюбляется в певицу, исполнявшую роль Виолетты, которая вскоре стала его спутницей и преданным другом до конца жизни».

История Магаданского музыкально-драматического театра имени М. Горького насчитывает немало удачно поставленных, запоминающихся спектаклей. Магаданский музыкально-драматический стал первым театром для репрессированного киноактера, народного артиста СССР Георгия Жженова. Выдающийся художник, профессор живописи В.И. Шухаев оформил многие спектакли, среди которых: "Царь Федор Иоаннович" Алексея Толстого, "Егор Булычев и другие" Горького, "Великий государь" Соловьева, "Отелло" Шекспира, "Полководец Суворов" Бехтерева и Разумовского. В послевоенное время на сцене театра выступали также находившиеся в заключении популярнейший певец Вадим Козин и выдающийся музыкант, руководитель всемирно известного джаз-оркестра Эдди Рознер.

Но, пожалуй, наиболее значима из всех представлений – опера «Травиата». Без преувеличения можно сказать, что она явилась наиболее важной работой Леонида Викторовича Варпаховского, созданных им за время своего вынужденного пребывания на Колыме, и вообще за весь период его режиссерской деятельности.

Главная героиня оперы исполнительница ведущей партии Виолетты – моя мама, Ида Самуиловна Зискина. Арестована в возрасте 24 года, в ноябре 1937 как ЧСИР (член семьи изменника Родины) на срок — 8 лет + 10 лет ссылки. Освобождена в 45-м. Обладая хорошим колоратурным сопрано большого диапазона и приятного тембра, она не только овладела партией, но создала сценический образ любящей и страдающей женщины. И это тоже было волшебством любви.

Много лет спустя мама написала: «В магаданском театре заключенных, куда занесла меня недобрая судьба, я встретила замечательного художника и удивительного человека, с которым навсегда соединила свою жизнь. Вспоминая о нем, часто говорят о его человеческой красоте, благородстве и редкой интеллигентности, и хотя кому как не мне дано было в полной мере ощутить все эти качества, для меня он был, прежде всего, человеком, наделенным необыкновенным творческим даром, неудержимой фантазией, жившим всецело своим любимым искусством — театром».

Занавес открывается. Звучит романс из «Гейши» или «Застольная» . Заснеженная улица в Магадане. Вечер. Взад и вперед прогуливаются Варпаховский и Ида Зискина. Л.В. одет в телогрейку, стеганые штаны, на ногах — матерчатые бурки, а на голове — ушанка из собачьего меха.

Л.В.: Дуся, можно я буду тебя так называть?

И.З.: Можно. Вам все можно. Я всего лишь ваша актриса, а Вы режиссер.

Л.В.: В жизни все мы актеры.

И.З.: Но далеко не все при этом еще и режиссеры.

Л.В.: Знаешь, Дуся. Я хочу сказать тебе, что ты замечательная певица, прекрасная актриса и роскошная женщина.

И.З.: Леонид Викторович! Любую женщину ничего не стоит убедить в том, что она красива, но попробуйте хоть одному мужику доказать, что он глуп. Простите, это не про Вас, а про начальников магаданской культуры. Вы верите, что здесь можно поставить оперу?

Л.В.: Не верил, пока меня не познакомили с тобой.

И.З.: Я с улыбкой вспоминаю, как это было. Видимо, мое пение понравилось Драбкиной, жене начальника лагеря, которая заведовала культбригадой Маглага. Она привела меня к Вам:

— Знакомьтесь — наша певица Зискина, наш новый руководитель культбригады — Варпаховский.

Л.В.: И мне ты сначала понравилась только, как певица. Никто кроме меня не понимает, что в тебе сидит Шаляпин в юбке. Все дураки, думают, что, полюбив тебя как женщину, я ослеп, увидев в тебе больше, нежели есть на самом деле. А никому в голову не приходит, что я сначала был поражен тобой именно как актрисой, а потом уже влюбился. Я же помню два удара по своему сердцу, которые ты мне нанесла со сцены, когда я шел по фойе и попал на репетицию. Я просто обалдел, когда услышал, как ты пела арию «Гейши» из оперетты Джонса, и потом в «застольной» Зорики из «Цыганской любви» Легара.

И.З.: Я думала, что я — недоучившаяся певица; не успела. Когда меня посадили, мне было 24 года. Правда, в Магадане у меня прекрасные учителя. Софья Теодоровна Гербст, замечательный концертмейстер, теперь, конечно Вы.

Л.В.: Приходится только с ужасом думать о том преступлении, которое когда-то было совершено с твоим талантом. Для того, чтобы определить одаренность художника, достаточно одного взлета. Грибоедов — гений по одному взлету. Ибо взлететь может только одаренный человек, случайных удач не может быть в искусстве. Как горько, что ты была лишена возможности повторять и закреплять свои успехи.

И.З.: А я влюбилась в тебя на одной из репетиций «Похищения Елены». Я была очарована, потрясена, я поняла, что ты настоящий, тонкий, необыкновенный художник.

Л.В.: «Похищение Елены» была первой моей постановкой в Магадане. Комедия нужна была, чтобы раскрепостить людей хотя бы на сцене.

И.З.: Мне особенно запомнилась сцена похищения Елены. Между двумя белыми колоннами в центре — окно, на плечах у Дуси Тарасовой белый шарф.

Вдруг на сцене гаснет свет. Суматоха. Вбегают два лакея с зажженными канделябрами, между колоннами мелькают свечи. Елена пропала, и только в открытом настежь окне на синем фоне треплется белый шарф. За твои смешные трюки тебе даже дали кличку «стружкомет».

Л.В.: Да Василий Иванович Шухаев преподнес мне на день рождения большую коробку, перевязанную лентой и наполненную стружками. Дуся! Расскажи мне о себе, я ведь ничего о тебе не знаю.

И.З.: В 36 году я с мужем, сыном и родителями вернулась на родину из Харбина. Мечтала поступить в Оперную студию. Стала брать уроки пения. Неожиданно арестовали мужа: где и как он кончил свою жизнь — не знаю, Меня арестовали прямо на улице. Я объясняла им, что никак не могу отлучиться надолго — и ребенок маленький, и мать больна. Через две недели вынесло мне приговор — восемь лет лагерей. В толпе уголовниц меня отправили в Томский лагерь. Я сидела там вместе с сестрами Тухачевского, женой Бухарина, невесткой Якира и его сестрой Беллой, с которой мы подружились. Вместе с нами была Клава Шахт,— первая советская парашютистка, подруга генерала Уборевича, которую ты знаешь по самодеятельности здесь, в Усть-Омчуге. Никто не понимал, почему, за что посадили? Одна деревенская старуха все причитала: «Следователь кричал: - Твой муж в подполье работал! А как же ему там не работать, когда там у нас картошка лежит?».

Прожила я в Томском лагере два года, и произошло чудо: меня нашел отец по штемпелю на конверте письма, которое мне с помощью добрых людей удалось переслать домой. Разрешили свидания, он приносил хлеб и молоко. Это был 1939 год. Отец уехал из Томска за теплыми вещами, а когда вернулся, не застал меня. Отправили по этапу во Владивосток.

Л.В.: Я был ни той пересылке. Ты была там в бане, как полагается на персылке?

И.З.: Была. Но ведь ты не знаешь, что нас, женщин, голых, с поднятыми вверх руками прогнали через строй мужчин-охранников и парикмахеров, побрили, после санобработки погрузили на «Дальстрой». Там, в трюме, задраенном наглухо, мы затаившись, пережидали, пока пароход досматривали японцы. Мы были уже грамотными — никто не пикнул, сидели как мышки.

Л.В.: Так ты оказалась на Колыме?

И.З.: В лагере «Местпром» работала на швейной фабрике по 14 часов — шила обмундирование для эков Магадана. В бараке — пол земляной, нары обледеневшие, ночью волосы примерзали к доскам. Там я провела 4 года. Как-то раз человек по фамилии Танеев предложил мне принять участие в лагерной самодеятельности. Я испугалась и отказалась. Ничто в лагере так не страшит, как перемены. Самыми мучительными были ночные смены, особенно, если стоять у агрегата или мотора. Я - таки заснула и прошила себе палец. Спасла меня болезнь — немели пальцы рук и ног. В больнице меня осмотрел профессор Скобло — светило медицины, он тоже «проживал» в лагерях — и определил болезнь Рено. Это красивое название дало мне освобождение от ночных работ и направление в рукодельный цех. Здесь шили вещи для вольнонаемных. Цехом руководила Вера Федоровна Шухаева - жена нашего художника Василия Ивановича. Вдруг привезли пианино. Я поиграла на нем и запела, чем вызвала

дикую злобу уголовниц, но зато меня отправили в самодеятельность. Прости, я должна была тебе все это рассказать, потому что теперь у меня нет в мире более родного человека.

Л.В.: У меня тоже. Я тебя люблю.

И.З.: Очень?

Л.В.: Нет, Просто люблю. Станиславский говорил, что «люблю» – это больше, чем «очень люблю». Разница такая же, как между «Государь» и «Милостивый государь». Как тебе нравится идея нашего дирижера Новогрудского поставить здесь «Травиату»?

И.З.: Безумная идея. Утопия.

Л.В.: Да, Хора нет. Правда, есть артисты на главные роли и небольшая танцевальная группа. Альфред – Тит Епифанович Яковлев, крупный мужчина с красивым тенором, большого диапазона, но, увы, он лишь хороший исполнитель русских романсов и народных песен типа «Вот мчится тройка удалая». Барон Дюфоль – Грызлов. Бандит в прошлом, с видом гориллы, «специалист» по часам, по кличке Часики. С очень приятным красивым баритоном. Жермон, отец Альфреда – Гамид Тухватуллин. Певец, окончил, если не ошибаюсь, Казанскую консерваторию. Неплохо исполняет арию Торсадора. К сожалению, в арии Жермона, где верхнее соль – трудная для баритона нота, он частенько «пускает петуха». В общем, наберем. Флора (меццо-сопрано) – Полякова, врач, бас – Эрс, служанка Виолетты Анника – Г. Козьмина, садовник – В. Кивимяки.

И.З.: А я?

Л.В.: А ты, как я вижу, самая лучшая в мире Виолетта.

И.З.: Ну, если ты так видишь, значит, все должно получиться. Ты настоящий художник, мужественный человек, артист до мозга костей,

Л.В.: Дуся! Твоему чувству театральности и правды, твоему вкусу верю больше, чем всем специалистам вместе взятым. Я ведь внутренне готов к музыкальному спектаклю. Но ты понимаешь, что это спектакль о любви. А ведь в ГУЛАГе любовь запрещена. Ты же знаешь, что произошло с Новогрудским.

И.З.: Знаю. Новогрудского за любовную связь со скрипачкой Эльзой Злочевер отправили, куда Макар телят не гонял. Там он отморозил себе пальцы на ногах и стал калекой. Эльзу пощадили и оставили в бригаде, так как она прекрасно шьет и вышивает для жен начальства. Знаешь, ведь и со мной произошла похожая история. В меня влюбился бригадир швейного цеха Коля Шумский и послал мне через уборщицу настойку шиповника. Гридасова, которая сама увела Никишова от семьи, не могла допустить никаких любовных отношений среди заключенных. Бедного Колю отправили на рудник за 700 километров, а меня должны были отправить на лесоповал на Ильен. Но меня отпросила начальница другого лагеря Зайцева. Потом досрочно освободилась певица Женя Венгерова и меня взяли в культбригаду.

Л.В.: Да, мы крепостные актеры. Но для тебя, Дуся, ради любви к тебе я поставлю оперу «Дама с камелиями» на сцене этого Богом забытого театра. Хотя это безумие.

Целуются.

И.З.: Вспоминаю твое первое объяснение в любви. В перерыве между репетициями ты подошел и сказал: «Я сейчас очень занят, но через две недели я Вами обязательно займусь». Повернулся и ушел.

Л.В.: Во первых, я тебя стеснялся, а потом, в лагере опасно попасться на любви.

И.З.: Зато директриса Драбкина не стеснялась ничего. Ты помнишь, как она распекала тебя за аморальное поведение, когда застала нас, сидящих рядышком.

Л.В.: Помню. Ее проповедь морали кончилась тем, что она задрала юбку и сказала; «Не огорчайся, Варпаховский, посмотри лучше, какие у твоей начальницы штанишки!»

Весело смеются, целуются.

И.З.: Может, зря ты не соблазнил ее штанишками.

Л.В.: Нет, не зря. Она совсем не умеет петь.

Целуются.

Занавес

День 7-й

Занавес закрыт. На просцениуме стоит в прожекторном пятне Аня Варпаховская. Музыка из «Травиаты»: ансамбль в финале 3 акта («Альфред, Альфред мой» - сцена с Жермоном (Вы поймите).

Ана: Судя по документам, не любовь Леонида Варпаховского и Иды Зискиной, а специальное совещание, прошедшее в Магадане 4 июля 1944 г., сыграло решающую роль в положительном решении вопроса о постановке оперы «Дама с Камелиями» в Доме культуры им. М. Горького.

«Слушали: О постановке культбригадой Маглага совместно с театром Дома культуры им. М. Горького оперы «Травиата», музыка Верди. Желательно данную оперу приготовить полноценно, для чего необходимо ввести в хор мужской и женский состав, ряд исполнителей на вокальные партии, а также усилить имеющийся оркестр.

Тов. Кацман в своем выступлении сказал: «Для того, чтобы полноценно и выразительно показать оперу «Травиата», она должна работать в репертуарном плане текущего сезона. Певца Артамонова нужно заменить другим исполнителем.

Тов. Адолина считает, что только с помощью со стороны Дома культуры в отношении художественного руководства и материальными средствами, как-то: костюмами, вещественным оформлением и прочее, возможно осуществить постановку оперы. Недостающий состав по опере, как хор и прочее, отнести за счет Маглага.

Тов. Мармонтов: «Осуществление оперы требует специфической работы гримировочного цеха, а имеющийся гардероб париков рассчитан только на драматические спектакли и то при наличии стиливых париков, приобрести которые можно только на материке».

Гридасова приписывала всю заслугу создания спектакля исключительно себе и Никишову, который, посмотрев спектакль в концертном исполнении, выделил на оформление 100 000 рублей. Усилия крепостных актеров и режиссера в расчет не

принимались. Творческий вклад Гридасовой состоял в совете включить «куплеты Дореадота», на что отец заметил, что это «необычайно интересное предложение».

В процессе подготовки к спектаклю театр вырастил из любителей артистов-профессионалов. Зрелищность, театральность компенсировала недостаток виртуозности в исполнении. Отец говорил, что даже драматический спектакль строится по законам музыки. В экстремальных условиях лагеря он не просто поставил, но сыграл свою лучшую в жизни роль, которая спасла ему жизнь, потому что защитила его от прозы и гнетущих мелочей лагерного быта.

Занавес открывается. Из-за сцены слышны аплодисменты, овация, крики «Браво! Ура! Слава артистам Колымы!». Из-за сцены с криками группа – Кольцов, Школьник, Шаламов, + еще 2-3 человека в телогрейках - выносят на руках Варпаховского и Дусю Зискинд. С криками «Ура! Искусство в массы зеков! Даешь оперу операм!» - сажают Варпаховского и Дусю на стол.

Школьник: Это потрясно! Вы видели, как хлопали Никишов и Гридасова? И вся их шобла за ними?

Кольцов: Они в жизни такого не видели. Их культурный потолок – частушки и чечетка.

Шаламов: Вопрос чехотки у Виолетты особенно близок и понятен магаданскому зрителю.

И.З.: У меня просто закружилась голова. Ладирдо страшно разозлился. Он думал, что будет провал, раз его оркестр Варпаховский посадил не там, где он привык. И вот на тебе! Бешеный успех! От злости он так стукнул своей дирижерской палочкой о пюпитр, что она сломалась.

Л.В.: Ладирдо отказывался дирижировать. Петр Зиновьевич пожаловался директрисе, что я загнал его оркестр в центр сцены, а не в оркестровую яму. Но я сказал, что если он отказывается, я сам могу дирижировать. И он сразу согласился, но предрекал из-за этого провал.

И.З.: Леня! Ты все замечательно придумал. Играть и петь было так легко.

Л.В.: Все снисходительно относятся к твоему сказочному успеху, думая, что это хорошо только для Колымы или что это моя заслуга. Но разве можно забыть то, что ты делала весь 4 акт, ансамбль в финале 3 акта, сцена с Жермоном.

И.З.: Мы все репетировали с упоением. А как ты работал с актерами! Знаете, вечером, ложась спать в своем бараке, я совершенно отключалась от окружающего меня мрака, укрывалась с головой и все думала, думала о Виолетте, о ее жизни, любви, трагедии

Л.В.: Все актеры работали отлично. Я не говорю о Виолетте, но все исполнители даже лучше справились с вокальной стороной роли, нежели с «игрой». Партия Жермона в исполнении Антонова была вполне убедительна - сказались его высокая вокальная культура и опыт артиста. Красочный образ создал исполнитель роли Гастона. Хороши были и исполнители небольших ролей: врача, служанки. Массовые сцены – хор, балет – вопреки моим опасениям, работали безупречно. Даже оформление в условиях дефицита материалов и оборудования прекрасно передало лирический дух оперы. Спасибо художникам – Вегенеру и Шушаевым - Вере Федоровне и Василию Ивановичу за костюмы.

Кольцов: Все хорошо, что хорошо кончается. Хотя в ГУЛАГе много бессмысленных вещей. Например, кто бы мог подумать? Опера в Магадане! Это же миф, легенда!

Шаламов: До сих пор нам снились не светские балы, а лагерные шмоны. Может быть, теперь будет какой-то перелом? И нам приснится свобода.

Школьник: Ты что, Варлам? Свобода – это когда можно делать так, чтобы никто не видел. А здесь все под надзором.

Деловой походкой входит Гридасова. Подходит к Варпаховскому.

Гридасова: Варпаховский. Мы с Иван Федоровичем положительно оцениваем твою работу. Коллектив будет награжден почетной грамотой Дальстроя. Иван Федорович будет ходатайствовать о снижении тебе срока лагерей на 6 месяцев, при условии продолжения работы в моем театре. Доволен?

Л.В.: Когда считаешь дни до окончания срока, будешь доволен.

Гридасова: Ну и мы довольны. *(Так же стремительно уходит, как пришла)*

Школьник: Вот это я понимаю. Молодец Никишов!

Кольцов: Даже у самого плохого человека можно найти что-то хорошее, если его как следует обыскать.

И.З.: Леня! Может быть, нас освободят одновременно. Если бы тебя спросили, какую самую большую награду ты бы хотел получить в жизни?

Л.В.: Если быть реалистом, то я вновь хотел бы увидеть финал 3 акта «Травиаты».

И.З.: Ну, это можно. Спасибо за комплимент. Это я тебе обещаю.

Занавес.

День 8-й

Занавес закрыт. На просцениуме стоит в прожекторном пятне Аня Варпаховская. Музыка из «Травиаты» внезапно обрывается. Включается «Осень» в исполнении Вадима Козина.

*Осень, прозрачное утро,
Небо как будто в тумане,
Даль из тонов перламутра,
Солнце холодное раннее.*

*Где наша первая встреча?
Яркая, острая, тайная,
В тот летний памятный вечер,
Милая, словно случайная.*

*Не уходи, тебя я умоляю,
Слова любви стократ я повторю.
Пусть осень у дверей, я это твердо знаю,
Но все ж не уходи, тебе я говорю.*

Наш уголок нам никогда не тесен,

*Когда ты в нем, то в нем цветет весна.
Не уходи, еще не спето столько песен,
Еще звенит в гитаре каждая струна.*

Аня: Невероятный успех «Дамы с камелиями» в Магадане, признанный всеми – и начальством ГУЛАГа, и культработниками, и прессой, поздравления и награды, заставили Леонида Викторовича забыть, где он находится, кто управляет его судьбой, и вдохновили на неосторожный поступок. Варпаховский обратится к Гридасовой с письмом, где объяснил всю серьезность своего чувства к Иде. «Это не лагерный роман, а на всю жизнь». Письмо писали несколько дней, шлифуя каждую фразу. Гонец из верных врачей увез письмо в Магадан и доставил его прямо на квартиру Гридасовой и Никишова. Только он забыл, что Гридасова не Екатерина П, благоволившая к Вольтеру, и отвечавшая на его письма. Мама сразу ужаснулась и произнесла только: «Ну, Ленечка, теперь только бы остаться в живых».

Но дело это письмом отца не ограничилось. Специфическая особенность театрального мира сохранилась на Колыме, даже в более извращенном виде: культурные мероприятия проходят в атмосфере не только всеобщей поддержки, но и подсижки. Как говорила впоследствии Фаина Раневская «Успех – единственный непростительный грех по отношению к своему ближнему». Успех Варпаховского совершенно вывел из равновесия еще одного артиста – «магаданского соловья» Вадима Козина, также опекаемого Гридасовой. В мае 1944-го имя Козина внезапно исчезло с концертных афиш, и он переместился на Колыму. У Вадима Алексеевича, кроме 58-й, была и еще статья 156-я - "мужеложство", которую давали впридачу к статье 58, по принципу «был бы человек, а статья найдется». В лагерях это называлось: 58, пункт "ж". В наше время в Канаде преследование по такой статье вызывает недоумение, но в СССР, по личному указанию Сталина преследование гомосексуалистов было весьма жестоким. «Ужасная страна! Нельзя распорядиться даже собственной жопой», как прошептала Фаина Раневская на профсоюзном собрании в театре, во время обсуждения и осуждения гомосексуалиста.

Но ужас этой страны состоял еще и в том, что ее судебная система была основана на доносах «стукачей», и как выяснилось, подозрение на этот второй «порок» Козина, было весьма основательным. В феврале 1944 года артиста арестовали и продержали почти год на Лубянке. Он все подписал, всех, таким образом, кого требовали следователи, он оговорил, и «с чистой совестью» был отправлен, но не на свободу, а в Магадан. Соловей советской эстрады оказался в клетке, правда весьма комфортабельной, благодаря поддержке Гридасовой, и, оставаясь «любимцем публики», давал концерты перед сотрудниками НКВД и заключенными. Вадиму Алексеевичу была предоставлена отдельная, вполне сносная по магаданским понятиям комната, ходил он в цивильном модном столичном «прикиде», хотя по своему положению тоже стал крепостным актером.

Можно оспаривать, был ли Козин постоянным «стукачем» НКВД, но его объемистый донос на «конкурирующего» деятеля магаданского искусства – Варпаховского - послужил аресту отца спустя пять месяцев после его освобождения. По доносу Козина, как это было принято в НКВД, без всякой

проверки и расследования было составлено обвинение в антисоветской агитации, более чем достаточное для полновесного срока или даже "вышки".

Занавес открывается. Роскошный кабинет Ивана Федоровича Никишова. Он в расстегнутой генеральской гимнастерке нараспаишу. Гридасова в служебной форме, но с украшениями (серьги, кольца, бусы, брошка) сидит на диване.

Гридасова: Ваня! Нам на квартиру, прямо в почтовый ящик, подбросили письмо Варпаховского. Помнишь, который оперу поставил.

Никишов: Обнаглели до крайности. Любой террорист, пользуясь твоим хорошим отношением, позволяет себе...

Гридасова: Пишет, что у него любовь с актрисой, которая была Виолетой. Любовь до гроба.

Никишов: Ослабела моя власть, вот и лезут прямо в квартиру. Этот зэк еще и влюбился. Ты подумай только, какое же это наказание зеку за преступление против советской власти, если он в месте заключения еще способен влюбляться.

Гридасова: Ладно, Ваня. Я этот роман с актрисой, это распутство буду пресекать. Накажу обоих, и разведу их в разные стороны.

Никишов: А в театре Варпаховский что ставил?

Гридасова: "Похищение Елены". Мы смотрели. Помнишь, ты еще смеялся. Еще художнику на досрочное освобождение подписывали.

Никишов: Да-да, припоминаю. Это "Похищение Елены" не нашего автора.

Гридасова: Французский какой-то автор. Вот у меня записано.

Никишов: Да не надо, не надо, все ясно.

Гридасова: Я думаю, Варпаховского снять с работы в культбригаде и послать на общие работы на штрафной прииск. Зыскинд, его жену,- послать на общие работы на "Эльген" - в женский сельхоз лагерь. Дежурного коридорного, который допустил получение письма на квартире, снять с работы и посадить на гауптвахту.

Никишов: Ты пошли этого Варпаховского с разъездной бригадой, а бабу - как ее фамилия?

Гридасова: Зыскинд.

Никишов: Еврейку - оставь дома. У них ведь любовь коротка, не то, что у нас,

Гридасова: Вот поступил донос от Козина, что режиссер Варпаховский разрабатывал планы первомайской демонстрации в Магадане - оформить праздничные колонны, как крестный ход, с хоругвями, с иконами. И что, конечно, тут затаенная контрреволюционная работа.

Никишов: Он, наверное, прав. Надо что-то делать. Донос есть донос – дело серьезное.

Гридасова: Он пишет не только насчет хоругвей. Бумага солидная. Козин пишет, что «Дама с камелиями» у нас, ну в моем театре, абсолютная копия постановки в Москве в театре врага народа Мейерхольда.

Никишов: А он откуда знает?

Гридасова: Не знаю, откуда. Вроде его на том спектакле не было, ни в Москве, ни здесь.

Никишов: Во дает, специалист! Выходит это наша промашка, что мы грамоту дали, о спектакле доложили, как о культурном мероприятии, а он, оказывается, врага народа.

Гридасова: Да тут накручено всякого. Ну, про одно дело мы знаем, что Варпаховский сошелся с еврейкой из актрис, дает ей главные роли. Еще насчет одной немки-пианистки - Софьи Гербст, Она повесилась ночью в лагере, а наутро Варпаховский перед началом репетиции поднял оркестр почтить ее память. Устроил панихиду по немке, покончившей с собой в знак протеста против советского режима.

Никишов: Донос в райотдел МВД переслала? *(Наливает себе стакан коньяка и залпом выпивает).*

Гридасова: Переслала. Получила заключение, что Варпаховский - фашист, из спецзоны его привезли. Режиссер. У врага народа троцкиста Мейерхольда ставил пьесы. Вот у меня записано. В театре сатиры ставил "Историю города Глупова". С 1939 года - на Колыме.

Никишов: Это мы все сами знаем. Он же у нас на Колыме уже 8 лет болтается.

Гридасова: Ну, вот видишь. А Козин - человек надежный. Педераст, а не фашист.

Никишов: Что? Козин? Гони ты этого педераста в шею! Не хочу слушать гадину. Это про него на торжественном концерте какой-то пьяный заорал на весь зал: «Козину – ура!». И подумать только, весь зал заорал "Ура! Ура!..". Я поднялся тогда: "Кто орет "ура"? Вы кому орете "ура"? Педерасту - "ура"?! Только Сталину можно кричать "ура".

Гридасова: Так я тогда же и отправила этого педераста вон со сцены, в карцер, в одиночку, как ты велел. Но донос остается доносом. Что делать с Варпаховским? Еще Козин пишет, что видел танец здоровенной бабы с мелким мужиком в крестьянских одеждах, а это «издевательство над советским колхозным строем».

Никишов: Ну, тут ясное дело: педерасту противно, что баба над мужиком потешается.

Гридасова: Ваня, я знаю, ты Козина не перевариваешь. Вот, что с доносом делать? Мы же должны прореагировать, и дать делу ход.

Никишов: Вот что. Осуждение тройками по доносу сейчас отменено. С 1947 надлежит производить суд в присутствии обвиняемого. Так что ты разберись, что там, в доносе, верно, а что нет. *(Выпивает еще стакан коньяка).* Надо разбираться, а то на пенсию пора,

Гридасова: Ты же, Ваня, честно поработал по заданию партии и правительства. Тебя сам Сталин ценит. Пенсию тебе дадут большую. Вот мы и уедем. Все забудем. Всех Козиных, Варпаховских. Купим домик под Москвой с садом. Будешь председателем Осоавиахима, активистом райсовета, а? Может и пора?

Никишов: Экая мерзость, председатель Осоавиахима? Бр-р. А ты?

Гридасова: И я с тобой. Думаешь, мне эта работа не надоела. Налей и мне.

Никишов: *(наливает ей коньяк)* Подождешь года два-три, пока я умру. Я ж тебя старше почти на 30 лет.

Гридасова: Кто знает, Ваня, кому какой час выпадет? Давай, за нашу любовь и светлое коммунистическое будущее.

Свет гаснет. Занавес. Музыка.

Открывается другая часть сцены. Кабинет Гридасовой. Она сидит за столом. Перед ней стоит Варпаховский. Руки назад.

Гридасова: Варпаховский. ты, конечно, поставил хороший спектакль в моем театре. Мы, с Иваном Федоровичем, тебя поощрили. Скостили срок на полгода. Дали грамоту. Но что ты зарываешься? Срок твой пока еще не кончился.

Л.В.: Я Вам, Александра Романовна, все честно написал, Потому и позволил себе обратиться, что оценил поощрения и Ваше отношение ко мне и к артистам.

Гридасова: Ну, я тебя не сильно наказала за то письмо. Отправила всего-то на сбор брусники.

Л.В.: Это не очень продуктивно, я дальтоник, красного цвета не различаю.

Гридасова: Ладно. Но теперь я обязана принять меры. Вот пришел донос о твоей антисоветской деятельности. Я отдам тебя под суд. Ты даже можешь взять себе адвоката.

Л.В.: Мне адвокат не нужен, Я могу и сам себя защитить лучше всякого адвоката. У меня отец - юрист по образованию, окончил Московский университет.

Гридасова: Ну, давай. Вот, например, (*смотрит в записку*) ты использовал музыку из "Реквиема" Моцарта ("Лакримозу") в сцене казни партизана. Музыка эта - старый религиозный хлам, использован тобой исключительно в целях компрометации советского патриотизма. Я дала этот вопрос на экспертизу комсомолке, заведующей парткабинетом магаданского Дома культуры, которая авторитетно подтвердила полную обоснованность этого обвинения.

Л.В.: Знаю я эту заведующую, имел с ней дело во время работы в театре. Музыкального образования у нее нет, партитуру она читать не могла, не знает, в каком строе пишутся партии инструментов. Исполнение "Реквиема" слышать не могла, и не знала этого произведения. А "Реквием" считается одной из вершин мировой музыки. Я вам покажу заметку в «Правде», где написано, что "Реквием" исполняли на похоронах Кирова,

Гридасова: На похоронах Кирова? А где эта заметка?

Л.В.: Заметку нашла моя жена в Магаданской библиотеке. Можете не сомневаться, в «Правде» неправду не напишут.

Гридасова: Ладно. Музыкантша из оркестра, немка, повесилась. А ты устроил антисоветскую акцию в память об ней - поднял оркестр. Это как понимать – она же немка, а ты еврей?

Л.В.: Национальность тут не причем. Она играла в театре; по традиции, перед началом репетиции я обязан был помянуть ушедшую коллегу. Затем весь день шла обычная работа. Это музыкальная традиция, а не антисоветская акция.

Гридасова: Ты меня своими театральными традициями не убедишь. Враг он и есть враг – враг народа, нашего русского, и твоего еврейского. Так что из Магаданского театра я тебя убираю. Приговор пойдет на утверждение в Хабаровск. Пока посидишь в тюрьме. А потом я тебя отправлю в культбригаду в знакомый тебе Усть-Омчуг на 5 лет.

Уведите.

(Занавес)

День 9-й.

Занавес закрыт. Исполняется романс В.Баснера на слова М.Матусовского из кинофильма «Дни Турбиных».

*Целую ночь соловей нам насвистывал
Город молчал, и молчали дома
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума*

*Сад весь умыт был весенними ливнями
В темных оврагах стояла вода
Боже какими мы были наивными
Как же мы молоды были тогда*

*Годы промчались, седыми нас делая,
Где чистота этих веток живых
Только зима да метель эта белая
Напоминают сегодня о них
Только зима да метель эта белая
Напоминают сегодня о них.*

*В час когда ветер бушует неистово
С новой силою чувствую я
Белой акации гроздь душистые
Невозвратимы, как юность моя
Белой акации гроздь душистые
Невозвратимы, как юность моя.*

На проспектиуме стоит в прожекторном пятне Аня Варпаховская.

Аня: Из лагеря мама освободилась раньше отца и приезжала за пятьсот километров на попутных машинах в Ягодное, где в то время содержали отца, чтобы с ним повидаться. Встречи происходили в семи километрах от Ягодного, в доме главного врача больницы Севлага, комсомолки Нины Савоевой, человека своенравного и смелого до безрассудства, рисковавшей в то время карьерой, а, может быть, свободой и жизнью.

Вопреки Гулаговской логике донос Козина не сработал, отца оправдали, но ему пришлось провести еще два месяца в одиночном заключении, ожидая решения высшей инстанции в Хабаровске. Потом его все равно отправили из Магадана в ссылку. Отцу удалось "притормозиться" в Ягодном, не попасть на страшную Джелгалу. Он «откупился», поставив музыкальный спектакль - оперетту "Черный тюльпан". Из-за отсутствия рояля он сам аранжировал музыку для гармонии, сам играл на баяне.

Потом родители поженились. Я родилась в поселке Усть-Омчуг на Колыме, где отец с мамой прожили долгих 5 лет. После освобождения из-под ареста отец, как вольнонаемный, работал режиссером Центрального клуба, и за шесть лет поставил там 11 спектаклей. Всего в колымском крае Варпаховский осуществил 23 спектакля, в том числе, по пьесам Н.Гоголя, М.Горького, А.Островского, Е.Шварца, С.Михалкова, Б.Горбатова и других. Здесь отец наконец-то увиделся со своим 14-летним сыном Федором, которого привезла в Магадан его сестра Ирина.

После смерти Сталина Варпаховские уехали с Колымы. Был список из 36 городов, в которых ему запрещалось жить. Его пригласили в Тбилисский русский драматический театр. Там в 1954-м он поставил «Чайку» с Павлом Луспекаевым, затем «Дни Турбиных» Булгакова. Успешно работал в театрах Киева, Харькова, Ленинграда. В 1956 ему разрешили вернуться в Москву, в 1957 реабилитировали. Назначенный в 1957 главным режиссером Московского театра имени Ермоловой, отец работал много и плодотворно: ставил спектакли в нескольких театрах сразу, занимался организацией фестивалей, создавал цирковые программы, работал на телевидении, вел режиссерскую лабораторию, руководил творческим семинаром на Высших режиссерских курсах при ГИТИСе, писал статьи.

В Москве Варпаховский поставил более 20 спектаклей: «Маскарад» Лермонтова, «Палату» Алешина, «Оптимистическую трагедию» Вишневого «Бешеные деньги» Островского – в Малом театре; «Шестое июля» Шатрова и «Дни Турбиных» в МХАТе; «Странная миссис Сэвидж» Патрика – в театре им. Моссовета; «Продавец дождя» Нэша – в театре им Станиславского; «На дне» Горького в Театре Народной Армии в Софии.

Почти невероятно, что отец сохранил не только работоспособность, но и редкую интеллигентность. Он словно старался скомпенсировать утрату времени и жизни, которые отняли у него сталинские лагеря. Все вернувшиеся из заключения, пытались догнать уходящую жизнь: они старались успеть все - любить, воспитывать детей, посещать выставки, спектакли, музеи, страны. И только одно наследие лагерей оставалось неизбывным у всех, вернувшихся из этого ада, – страх, бесновательный, панический, неизменный.

И все же отец рискнул. В 1956-м, когда "оттепель" дурманила головы, режиссер решает обратиться к "Турбиным", приросшим к Киеву и корнями, и душами. Еще в январе 1955-го. Варпаховский завязал переписку с вдовой Булгакова - Еленой Сергеевной, обещавшей приехать на киевскую премьеру. К тому времени спектакли, поставленные Леонидом Викторовичем в Киеве, пользовались успехом, и руководство Театра имени Леси Украинки предложило ему поставить «Дни Турбиных» Михаила Булгакова.

Занавес открывается. На сцене комната Варпаховских. За столом сидят Леонид Викторович, Ида и Юрий Домбровский.

Л.В.: Знаешь, Юра! У меня просто руки опускаются. После всего, что там было, сначала казалось, что жизнь начнется сначала, с чистого листа. Что я вернулся в страну, очищенную от той мерзости, от власти НКВД, и буду работать, как будто ничего не было.

И.З.: Мы ехали, как будто переезжали из ада в рай.

Ю.Д.: Ну, что вы говорите. Так не бывает. Темное прошлое никогда не сменится светлым будущим.

Л.В.: Но ведь мы же реабилитированы. Никто не имеет права называть нас врагами народа.

И.З.: Леня ставит спектакли во всех крупных городах: в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Киеве. Сейчас в стране просто театральный бум.

Ю.Д.: Но те люди, которые нас допрашивали, тиранили, убивали – они все остались, почти все на своих старых местах.

Л.В.: Ну, не все. Я сужу по театральным руководителям. С ними стало можно разговаривать, что-то доказывать.

Ю.Д.: Тебе, Леня, когда выпустили с Колымы, какие ограничения по месту жительства назначили?

Л.В.: 36 городов – самых крупных были для меня запрещены. Но я же сразу приехал в Москву, хотя и нелегально. Потом поехал работать в Тбилиси, а теперь эти ограничения сняты.

И.З.: Леня работает, как оглашенный. Впрочем, все наши так живут. Стараются наверстать отнятые лагерями годы. Конечно, всего уже не наверстаешь, но справедливость надо восстанавливать.

Ю.Д.: Знаете, я понял, что справедливости в мире нет и не будет, когда встретил после возвращения в Алма-Ату, на рынке, своего бывшего следователя Хрипушина. Идет себе, как ни в чем не бывало. Палачи и жертвы переплелись так тесно, что болезнь страны нельзя вылечить – ее можно только загнать внутрь.

Л.В.: Юра! Но ведь тебя же издают. Издали такие вещи, как "Обезьяна приходит за своим черепом", "Хранитель древностей". Что ты сейчас пишешь?

Ю.Д.: Пишу продолжение - "Факультет ненужных вещей". Но не уверен, что увижу его напечатанным при жизни. Но не написать этого я никак не могу. Нам с вами была дана жизнью неповторимая возможность - стать свидетелями величайшей трагедии нашей христианской эры. Идет суд истории. Мы обязаны выступить на нем.

Л.В.: Знаешь, Юра, когда меня назначили главным режиссером театра Ермоловой – ведущего театра в Москве, я отправил в Алма-Ату Мусрепову, который был автором статьи – доноса на меня, письмо. Я не смог отказать себе в маленьком удовольствии выразить Мусрепову «благодарность» за его бдительность, которая «помогла» бывшему преступнику стать ведущим режиссером ведущего московского театра. А в музей Малого театра я передал вырезку его газетной статьи против меня, написанной 33 года назад, из-за которой меня арестовали и сделали государственным преступником.

И.З.: А я встретила Гридасову на улице в Москве. Она, видно, сильно опустилась, пила. Бросилась ко мне, своей бывшей «крепостной актрисе», как к родной. Сказала: «А помнишь, Дуся, как ты замечательно пела в моем театре?» Потом разрыдалась и попросила десять рублей. Я дала. Она же все равно не помнит, как измывалась надо мной и над Леней.

Ю.Д.: Вот я и говорю: справедливость в этой стране не восторжествует никогда. Магаданский царь и бог Никишов подох в славе и почете, не заплатив ничего за все свои мерзости. Да еще и в полной уверенности, что не только верой и правдой служил государству, но и был отцом-благодетелем для зеков.

Л.В.: А у меня, Юра, самая большая неприятность за последнее время – запрещение постановки «Дней Турбиных» в киевском театре Леси Украинки. Я столько вложил души в этот спектакль! Артисты играли, как боги. И пьеса великолепная, ведь когда-то во МХАТе, в 30-х, она давала почти половину прибыли театру и шла по 12-15 раз в месяц.

Ю.Д.: Да ты что, Леня? Как это возможно – запретить эту пьесу в наше время? Ведь даже Сталин любил эту пьесу и смотрел ее во МХАТе 15 раз. Булгакова же не арестовали, не расстреляли. Хотя логики в этих делах не сыскать. Почему расстреляли Исаака Бабеля, который обожал органы до того страстно, что трахал жену Николая Ежова, и был чуть ли не его лучшим другом.

И.З.: Ребята! Я принесу чаю. (*уходит за чаем*).

Л.В.: Я не знаю, в чем дело. Обвинение Булгакова в симпатии к Белой гвардии действительно шло от киевских деятелей. И критики РАППа называли его самым крупным белогвардейцем внутри СССР. Возможно, они были правы. Булгаков фактически и не скрывал своих симпатий к Белой Армии. Но ведь в пьесе провозглашена победа красных. Это же правда истории и искусства, а не переложение агитки на язык театра.

Ю.Д.: Я помню, что и "Чапаева" братьев Васильевых пытались запретить, а лента стала классикой, и пьесу Горького "Последние", где изображена семья полицмейстера.

Л.В.: Я связывался с Еленой Сергеевной Булгаковой. Она мне сказала, что Михаила Булгакова защитил перед Сталиным МХАТ. Даже есть письмо, которое перед смертью Булгакова подписали Алла Тарасова, ее муж Хмелев и Василий Иванович Качалов. Тарасова и Хмелев играли главные роли в «Турбиных». Каковы истинные пружины спасения Булгакова от ареста неизвестно, но вряд ли это связано с идеологией.

Ю.Д.: Возможно, когда Театр Мейерхольда разогнали, а его самого расстреляли, система Станиславского стала единственно верной, как марксизм-ленинизм. А ты же работаешь в духе Мейерхольда.

Л.В.: Да, я его ученик, хотя теперь у меня уже выработался свой почерк. Но дело не в этом. Минкульт Украины решил прикрыть это действие еще в зародыше. Мотивировка: белогвардейская пьеса и лагерное прошлое режиссера. Театр все же продолжил работу. Премьеру назначили на 9, 10, 11, 12 июня 1956 года. Все билеты распроданы заранее. Вдруг в газете "Радянская культура" появляется статья-донос о еще не увиденном спектакле: "Разве это произведение отражает героическую борьбу украинского народа?!" Тут и началось. Летят письма из Киева в Москву. Из Москвы в Киев. Руководство Русской драмы отменяет готовый спектакль и докладывает министру культуры Украины Литвину: "Затратили два с половиной месяца репетиционной работы, израсходовали около 100 тысяч рублей на изготовление оформления". Самое удивительное в этой истории, что чиновники боялись смотреть саму постановку. Отказывались идти в зал!

И.З.: (*Приносит чай*). Знаешь, Юра, тут поднялись такие силы, с которыми не сладить. Группа товарищей, украинских писателей - Смолич, Хижняк, Кравченко, Козаченко возмущены "искажением истории": народ в пьесе не борется против Петлюры и белогвардейцев, украинский народ отсутствует. В редакции театра

пьеса направлена на реабилитацию Петлюры". Они представили это как оскорбление украинскому народу

Л.В.: Не помогла и поддержка российских писателей, в числе которых были Федин, Леонов, Погодин. Не изменила ситуацию и довольно лояльная "цыдуля" из Министерства культуры СССР. Могу тебе показать одну бумагу - официальное обращение Союза писателей Украины к Минкульту СССР, подписанную академиком Миколой Бажаном: "постановка льет воду на мельницу украинских националистов, чужда и враждебна дружбе народов".

И.З.: После всей этой экзекуции Леня написал Елене Сергеевне Булгаковой, что ему противно стало в Киеве. А ведь Елена Сергеевна хотела приехать на премьеру «Турбиных» в Киев, обещала привезти Анну Ахматову. Но память о Варпаховском киевская интеллигенция сохранила. Пошли "Деревья умирают стоя", знаменитая "Мораль пани Дульской". Даже спустя много лет после премьеры цитировали реплики из этих пьес.

Л.В.: В общем, постановку в Киеве запретили. Есть, конечно, другие города, где этот спектакль пользовался успехом.

И.З.: Через полгода в журнале «Театр» Анастасьев написал, что Министерство культуры Украины не нашло в себе достаточных сил, чтобы дать труппе возможность представить свою работу на суд широкого зрителя. Это выступление вызвало такую реакцию в Киеве, что стало одной из причин отстранения Анастасьева от должности главного редактора журнала. Каверин, Чуковский, Крон, Погодин и Розов написали письмо в защиту постановки Варпаховского. Но им даже никто не ответил.

Л.В.: Очень странная вещь произошла в процессе борьбы за разрешение спектакля. В накалившейся до предела обстановке, когда просмотр разрешен прямым указанием ЦК Компартии Украины, кто-то подсказывает министерству «соломоново решение»: просмотр провести, но допустить на него только представителей министерства, Союза писателей и руководство (но не труппу) театра. Мы вынуждены были принять это условие, рассчитывая, что при обсуждении удастся добиться хотя бы разрешения на общественный просмотр. Были приняты самые суровые «меры безопасности»: Центральный вход театра был закрыт, у каждого входа в зал стояли охранники, получившие строжайшую инструкцию не впускать туда никого. Возле служебного входа приглашенных встречал не кто-нибудь, а первый заместитель министра культуры УССР Куропатенко. На просмотр не были допущены не только артисты, но даже завлит театра! Были только директор театра Стебловский, художественный руководитель Романов, и я.

И.З.: Меня тоже допустили. Только я такой охраны не видела с лагерных времен. Всего два десятка приглашенных проходят в зал, и перед этой публикой играется спектакль.

Л.В.: На этот сверхсекретный просмотр все же попал, по блату, один «посторонний» - московский критик Поюровский. Он обратился к предводителю предстоящего судилища, первому заместителю министра культуры Украины Куропатенко, которого знал еще в студенческие годы по Харьковскому театральному институту.

И.З.: Актеры играли прекрасно. Спектакль произвел сильное впечатление на присутствующих, так что перед началом обсуждения ощущалось даже как бы некоторое смятение.

Л.В.: Но писатели оправились быстро. Да, сказал один из них, спектакль сильный, талантливый, артисты играют великолепно, но... тем хуже, тем более вреда причинит порочная пьеса Булгакова. Пьеса антинародна, никаких художественных достоинств в ней нет, показывать ее бестактно по отношению к украинскому народу. Все сплошные пьяницы, прожженные представители умирающего класса, Лариосик, наверно, остался в Киеве, чтобы шпионить, вредить советской власти, но в пьесе об этом не сказано. Народ не борется против Петлюры и белогвардейцев, украинский народ отсутствует, пьеса сталкивает русский и украинский народы. Я пытался провести параллель с Григорием Мелиховым в «Тихом Доне» и шекспировским Гамлетом.

Ю.Д.: И чем же все закончилось?

Л.В.: Ничем. Общественного просмотра театру не разрешили. Настроение у меня мрачное, борьба слишком неравная: спектакль им удалось похоронить. Но поскольку пьеса-то жива и идет во многих театрах страны, гонители официально обратились от Союза писателей Украины к министру культуры СССР Михайлову. Все претензии повторили и еще заметили, что компетентные руководящие органы в 1929 году давали разрешение на ее постановку лишь в одном театре - МХАТе. Что она игнорирует «роль возглавляемых большевистской партией трудовых масс украинского народа в борьбе за власть Советов», что «для автора весь украинский народ - это петлюровец», что она поэтому «льет воду и на мельницу украинских националистов, чужда и даже враждебна делу дружбы русского и украинского народов». Несмотря на письмо противоположного толка от московских писателей, спектакль был запрещен окончательно.

Ю.Д.: Знаешь, Леня, не принимай ты все это на свой счет. Я ведь историк, и прочту тебе маленькую лекцию. Дело в том, что три народа: русские, украинцы и евреи, жили бок о бок на территории Российской Империи полтысячи лет. Евреев в Российской Империи было 6 миллионов человек, гораздо больше чем, например, белорусов. Это была коммуналка. Николай Васильевич Гоголь описал в "Тарасе Бульбе", как поднимали на пики казаки Тараса, то есть Богдана Хмельницкого, и бросали в костер еврейских младенцев. Казаки Богдана Хмельницкого отправили на костры, утопили в Днепре и просто убили 300.000 евреев. Потом был Устин Кармелюк, который со своими гайдамаками вырезал еврейские местечки полностью, и вырезал около 100.000 человек. Великий Кобзарь писал в своей поэме "Сон":

*Людей у ярма запрягли,
Жыды лукави...*

В советское время во всех изданиях Шевченко слово, "Жыды", заменили на слово "Паны".

Л.В.: Ну, это когда было?! 300 лет прошло.

И.З.: Знаешь, Леня, национальные обиды самые незабываемые. Их помнят тысячелетия.

Ю.Д.: Вот именно. Императоры российские забирали детей от еврейских родителей и отдавали их в кантонисты. Евреи, считая, что совершают социальную революцию, начали мстить в конце 19 века. Григорий Гольденберг зарезал харьковского губернатора. Лев Троцкий, хотя евреем себя не считал, оказался гениальным военным вождём и создал Красную Армию, которая сумела победить храбрых и профессионально умеющих воевать рыцарей Белой Идеи, за счёт железной организации и заградотрядов. Мщение продолжалось. Гайдамаки Петлюры, хотя сам Симон Петлюра антисемитом не был, вырезали еврейские местечки и семьи.

И.З.: Но ведь, в конце концов, победили красные, большевики.

Ю.Д.: Да, победили большевики. Тогда по станицам Дона, отправляли под пулемёты карателей, в овраги возле станиц, всех от мала до велика, и тоже не щадя ни женщин, ни стариков, ни младенцев. Это называлось «расказачивание».

Л.В.: Это уже ближе к нашему времени. Но борьба была не межнациональная, а политическая.

Ю.Д.: Да, политическая, хоть и с национальной окраской. Но в этой войне так все перемешалось и срослось, что и русские, и украинцы, и евреи были по обе стороны линии фронта.

И.З.: Но евреев со стороны белых не было.

Ю.Д.: Не могу тебя порадовать: евреи воевали и в Белой Армии. Великий русский поэт Марина Цветаева посвятила свой цикл "Лебединый Стан", своему мужу - Сергею Яковлевичу Эфрону, который, больной туберкулёзом, пошёл добровольцем в Белую Армию. Сергей Эфрон не был иудеем, но по крови он был стопроцентным евреем и имел соответствующую внешность. А в соответствии с советской поговоркой, бьют не по паспорту, а по морде.

Л.В.: Эфрон – частный случай. В основном, евреи были на стороне большевиков. Но чем они провинились перед украинцами.

Ю.Д.: А тем, что в 1933 году мщение приняло размеры геноцида со стороны большевиков, а половина районных партийных комитетов Украины и НКВД были тогда еврейскими. Они оказались верными сталинскими соколами. И когда усатый пахан решил расправиться с украинским крестьянством, не желающим идти в его колхозы, то бедняками вместе с еврейскими карателями с партийными билетами был организован страшный голодомор. Вначале зимы всё зерно выгребли, к концу зимы, когда обезумевшие от голода люди пытались идти в города, вырыли окопы и поставили в них пулемёты, чтобы никого не пропускать. В этом страшном году они отправили на тот свет несколько миллионов крестьян Украины.

И.З.: Но во время немецкой оккупации хозяйничали немцы, а не украинцы. Немцы уничтожали евреев.

Ю.Д.: На Украине крестьянствовали до коллективизации около 100 тысяч немецких колонистов. В 1941 году украинские сёла встречали хлебом-солью солдат Вермахта. И стояли длинные очереди в комендатуру, чтобы выдать евреев, которые прятались. В Бабьем Яру, Доманевке, Балте и везде по Украине расстреливали в основном не немцы, а дивизия СС-Галичина, украинские полицаи. Почти полтора миллиона украинцев под ружьем, одетых в немецкую форму, были ответом на геноцид 1933 года. Бойня эта была братоубийственной. Все три народа - русские, украинцы и евреи, народы-братья. За полтысячи лет вместе они так

переплелись и культурой, и кровью, и музыкой, и литературой и всем, чем угодно, что нет на свете ближе народов, чем русские, украинцы и русские евреи. Увы, примеров когда брат идёт на брата, сколько угодно и в литературе, и в жизни. Те, кто живёт под одной крышей, даже если эта крыша – большевистская империя, чаще ненавидят друг друга, чем дальних соседей, родственников, друзей и просто посторонних людей.

Л.В.: Наверное, Юра, ты прав. Но мне обидно, что в эти жернова попали мои «Турбины». Спектакль был классный.

И.З.: С конца 50-х начался расцвет театра Русской драмы имени Леси Украинки. Попасть в этот театр, где блистали Михаил Романов, Юрий и Кирилл Лавровы, Олег Борисов и другие, было непросто. Очередь, спрашивающих лишний билетик, тянулась от Крещатика до угла улицы Ленина и Пушкинской. В годы оттепели и даже застоя тут был островок настоящего искусства. «Мораль пани Дульской», «Деревья умирают стоя» ставил Леня. Мы жили в коммунальной квартире, которую получил от театра, с маленькой Аней.

Ю.Д.: Удачи вам и счастья. Тебе, Леня – новых постановок. Поздно уже, мне пора к жене. Она у меня молодая, надо идти, а то не дождется.

Л.В.: И тебе удачи. Пиши еще. Это наша обязанность все рассказать людям.

*Прощаются. Домбровский уходит.
Занавес.*

Эпилог

*На просцениуме стоит в прожекторном пятне Аня Варпаховская.
.. Музыка Хачатуряна из «Маскарада».*

Аня: В 1952 году мой брат Федор окончил среднюю школу и уехал из Магадана в Москву поступать в институт. Отец провожал его на аэродроме. Всегда подтянутый и элегантный, он в последний момент как-то весь поник, плечи его опустились, и на лице появились слезы. Потом признался, что решил, что они никогда уже больше не увидятся. Но через год, вскоре после смерти Сталина, мы с отцом и мамой уехали с Колымы, а еще через два года отца реабилитировали. На Колыме нет лиственных деревьев, и когда, прилетев в Хабаровск, отец впервые за долгие годы, услышав шелест листьев на ветру, он едва мог совладать с охватившим его волнением. И если, будучи в одиночке, он находил в себе силы сочинять либретто на Лермонтовский "Маскарад", записывая его микроскопическим почерком на обложке единственной имевшейся у него книги, если в промерзшем клубе поселка Усть-Омчуг он разучивал деревенеющими пальцами концерт Рахманинова, то можно представить себе, с какой жадностью набросился он на работу в профессиональном театре. Он ставил в Тбилиси, Киеве, Москве, Харькове, Ленинграде, Софии. Только в Москве он ставил спектакли в театре Ермоловой, Малом и Художественном, Театре Вахтангова, Театре Станиславского, Театре Моссовета. "Смерть коммивояжера" Артура Миллера он даже поставил в студенческом театре МГУ. Он как-то с гордостью показал мне рубрику "Сегодня в театрах" из "Правды": в этот день в Москве шли одновременно

пять его спектаклей! И люди, работавшие с ним, вряд ли чувствовали, что в его необычайной энергии и трудоспособности было также и нечто болезненное. Как человек, которому долго не хватало воздуха, он дышал жадно и часто - и никак не мог надыхаться.

В последние три года перед смертью (в 1976-м) он страдал сильнейшей депрессией и уже с трудом заставлял себя работать. Он так никогда и не освободился от подсознательного ожидания нового ареста. Цинга, которой страдали все на Колыме, сокрушила его замечательные и совершенно здоровые зубы. Тромб, оторвавшийся в сосуде обмороженной на Колыме голени, поставил последнюю точку в его жизни.

Варпаховский не только выжил в сталинских лагерях, но и умудрился ставить в барачно-лагерной обстановке спектакли. И не просто вульгарные агитки или развлекаловку для лагерного начальства, а подлинные произведения искусства, вроде «Похищения Елены» и «Травиаты». Актеры, работавшие с Варпаховским, бережно хранят память об этом удивительном, разносторонне образованном человеке, истинно русском интеллигенте, тонком, талантливом режиссере, преданном рыцаре Театра.

А я стала артисткой театра имени Станиславского. 10 лет назад мы с Гришей организовала в Монреале Русский драматический театр имени Леонида Варпаховского. Театр под руководством Григория Зискина завоевал зрительский интерес в Канаде и США постановками классики и современной драматургии, участием талантливых артистов, собственных и приглашаемых из России, а также русских эмигрантов из Австралии и Германии. Основанный в 1995 году театр начал с инсценировки рассказов Чехова. Затем последовали «Дядюшкин сон» Достоевского, «Волки и овцы» Островского, коронка советской драматургии 70-х - пьеса Гельмана «Скамейка». Эти спектакли были поставлены в традиционной, добротной манере, а «Дядюшкин сон» - с учетом режиссерской записи Леонида Викторовича Варпаховского. Позже театр перешел к зарубежной комедии, поставил пьесы «Если все не так» Брикера и Ласега, «Последняя любовь» (по рассказу Зингера), «Миллиард для наследников» Шено, «Четыре довода в пользу брака» Баэра, «Семейный ужин» Камолетти, трагикомедию Ива Жамиака «Антипьеса для антипублики».

Занавес открывается. На сцене Ида и Леонид Варпаховский.

Л.В.: Как это трудно: все забыть и начать жизнь сначала. Лагерь не отпускает меня. Я боюсь находиться в темноте, мне кажется, из нее выступают тени убитых, замученных, и мучителей.

И.З.: Я все знаю, Ленечка! Но мы же выжили. У тебя своя судьба в искусстве - настоящий русский театр, пусть и повторяющий трагические изгибы русской культуры в СССР, Но это настоящее искусство, которое пробилось сквозь коммунистическую идеологию и лагерный режим.

Л.В.: Твоими молитвами, Дуся, и твоей любовью я только и жив. Но мои спектакли умрут вместе со мной, как умер театр Мейерхольда, Станиславского, Немировича. Как умер мой театр в Магадане и Усть-Омчуге.

Внезапно попугай в стоящей на столе на сцене клетке гортанно кричит голосом Мейерхольда: «Где Леонид? Где Леонид? Где Леонид?».

Л.В.: Что это с ним? Вспомнил через 40 лет. Жив, курилка!

И.З.: Что ты удивляешься? Попугаи живут 300 лет. Этот еще переживет наших внуков.

Л.В.: Только мой театр окончится с моей смертью.

И.З.: Не отчаивайся, Леня! У нас, слава Богу, есть дети. Аня и Гриша выросли при театре и театр не бросят. Они и продолжат театр Варпаховского.
